

ISSN 2221-0792

**РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

**RUSSIAN JOURNAL OF
NATIONALISM STUDIES**

**РОСІЙСЬКИЙ ЧАСОПИС
ШТУДІЙ НАЦІОНАЛІЗМУ**

**РАСІЙСКІ ЧАСОПІС
ДАСЛЕДАВАННЯЇ
НАЦЫЯНАЛІЗМА**

ISSN 2221-0792

**РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

2020

No 1

ISSN 2221-0792

Российский журнал исследований национализма

№ 1, 2020

Основан в 2012 году

Учредитель:

Факультет международных отношений Воронежского Государственного Университета
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия

к.и.н. И.Б. Горшенева
д.и.н. М. В. Кирчанов (отв. ред. ВГУ)
к.и.н. А. В. Погорельский
к.полит.н. Е.М. Поляков
к.и.н. И. В. Форет

Editorial Board

Dr. Irina B. Gorsheniova
Dr.Sc. Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky
Dr. Evgenii Poliakov

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж Пушкинская 16
Воронежский государственный университет корпус № 8, ауд. 236

Все авторские материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания доступна на официальном сайте Факультета
международных отношений Воронежского государственного университета

<http://www.ir.vsu.ru>

ISSN 2221-0792

Содержание

М.В. Кирчанов (Кӓрчансен Макӓмӓ)	ЧУВАШСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА: ГРАНД-НАРРАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ МИНОРИТАРНОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	5 – 28
В. Шаламов	ФАШИЗМ КАК ФЕНОМЕН НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	29 – 34
Е.А. Воробьёва	АдГ – АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ?	35 – 40
А.О. Дедаев	ПОПУЛИЗМ, КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОГО БРЕНДИНГА В ЕС	41 – 50
В.О. Шаламов	ВЕНГЕРСКИЙ РАДИКАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	51 – 57
М.В. Кирчанов	ГРУЗИНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: ПРОФИЛЬ СООБЩЕСТВА	58 – 102

М.В. Кирчанов
(Кӓрчансен Макӓӓмӓ)

ЧУВАШСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА: ГРАНД-НАРРАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ МИНОРИТАРНОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Автор анализирует большие нарративы в современной чувашской историографии. Предполагается, что историография Чувашии фрагментирована, а академические тренды сосуществуют с неакадемическими или фольк-историческими тенденциями. Академическая и неакадемическая историографии используют гранд-нарративы – различные повествовательны структуры, описывающие и характеризующие основные векторы и траектории развития исторического воображения. Анализируется хронология развития, классический набор и особенности чувашских исторических гранд-нарративов. Автор анализирует роль фрагментации исторического воображения в развитии гранд-нарративов, проблемы советского интеллектуального наследия, перспективы национализации исторического воображения и сложности написания чувашской истории как национальной в модернистской и конструктивистской парадигмах.

Ключевые слова: историография, историческое воображение, гранд-нарративы, интеллектуальная история, история идей, изобретение традиций, идентичность, национализм

The author analyzes the grand narratives in modern Chuvash historiography. It is supposed that the historiography of Chuvashia is fragmented, and academic trends coexist with non-academic or folk-historical ones. Academic and non-academic historiographies use grand narratives – various narrative structures that describe and characterize the main vectors and trajectories of the development of historical imagination. The chronology of development, the classic set and features of the Chuvash historical grand narratives are analyzed in the article. The author analyzes the role of fragmentation of historical imagination in the grand narratives, the problems of the Soviet intellectual heritage, the prospects for the nationalization of historical imagination and the difficulty of writing Chuvash history as a national one in modernist and constructivist paradigms are also touched upon in the text.

Keywords: historiography, historical imagination, grand narratives, intellectual history, history of ideas, invention of traditions, identity, nationalism

Формулировка проблемы. В современной историографии периодически имеют место дискуссии относительно кризиса т.н. «гранд-нарративов» или «больших нарративов», под которыми, как правило, понимают различные повествовательны структуры, описывающие и характеризующие основные векторы и траектории развития той или иной гуманитарной науки. В некоторых случаях могут использоваться и другие определения, например «индивидуальные собирательные имена» (Kollektivsingular) или «основные исторические понятия»

(geschichtliche Grundbegriffe)¹. Российский историк Павел Уваров, комментируя особенности ситуации с гранд-нарративами, констатирует: «меня особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”. Насчет классов не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходить с подмостков историографической сцены, скорее, наоборот. Не говоря уже о государствах и конфессиях»².

Действительно, если анализировать развитие современной историографии, то связь между академической историей и национализмом как политической идеологией станет неизбежной, проявляясь как в прикладных манипуляциях прошлым в угоду политической конъюнктуры, так и в более сложных практиках, известных под родовым определением «исторической политики» или «политики памяти». Обращение к прошлому в различных формах в любом обществе «является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего»³, что в ряде случаев может делаться при помощи больших нарративов – конструкторов, создаваемых историками для стимулирования исторической памяти и идентичности того или иного сообщества. История в целом и история литературы в частности на протяжении 20 – начала 21 веков прошли через несколько «волн» смены и ревизии тех больших нарративов, определяемых в категориях позитивизма, марксизма, неомарксизма, структурализма, модернизма и постмодерна, которые определяли основные направления развития исторических и историко-литературных исследований. Чувашская историческая наука не является исключением из этой логики развития гуманитарного знания.

Предмет исследования. Автор статьи понимает предмет исследования максимально широко, определяя в качестве больших нарративов концепции, предложенные как в исторической науке, так и в историко-литературных исследованиях в силу того, что и политическая история, и история литературы в интеллектуальной ситуации современной Чувашии могут быть определены как каналы проявления национальной чувашской идентичности. Эта статья, с одной стороны, сфокусирована на проблеме гранд-нарративов как интеллектуальном и историографическом явлении. Поэтому автор пытается проанализировать классический набор больших нарративов,

¹ Копосов Н. Индивидуальные собирательные имена: к теории основных исторических понятий // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 3. С. 67 – 94.

² Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. 2007. № 55. С. 33 – 54.

³ Кръстев Д. Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 416 – 449.

предложив их типологию, а данная статья не может быть определена как историографическая в классическом понимании. С другой стороны, текст не сфокусирован на ревизии сложившегося историографического канона, потому что выработка новой исследовательской программы в контекста написания национальной чувашской политической, культурной, литературной и интеллектуальной множественной гетерогенной истории не входит в число задач автора в этой статье, так как предполагается, что эта тема (как и конкретные концепции, кратко проанализированные авторов в этом тексте) может и должна стать предметом самостоятельного исследования.

Историография. История развития чувашской историографии и историко-литературных исследований периодически оказывается в центре внимания российских и зарубежных авторов, но большинство текстов по этой тематике принадлежат к традиционной нормативной историографии – поэтому, их авторы склонны фиксировать основные тенденции развития и функционирования исторической науки в то время, как вопросы методологии и теории исторических штудий остаются в тени. Кроме этого, нередко игнорируется и взаимозависимость историографии и политической ситуации, идеологической конъюнктуры того общества, в котором проводятся исторические исследования. Число таких исследований, написанных с позиций модернизма и конструктивизма⁴, междисциплинарного подхода к изучению национализма⁵, к сожалению, продолжает оставаться неонатальным.

Цель и задачи статьи. Целью статьи является анализ чувашских исторических гранд-нарративов как повествовательных структур,

⁴ Кирчанів М. (Максәм Кәрчансен), Європейські тюрки в радянській Росії та створення історичної пам'яті (націоналістична уява й чуваські інтелектуали в 1960 – 1980-х рр.) // Схід / Захід. Історико-культурологічний збірник. Харків, 2009. Вип. 13 – 14. Спеціальне видання. Історична пам'ять і тоталітаризм: досвід Центрально-Східної Європи / за ред. В. Кравченка. С.80 – 100; Кирчанів М.В. Літературознавчий дискурс чуваської інтелектуальної історії (від «раннього» до «високого» сталінізму, 1930 – 1949) // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. Воронеж: НО ФМО ВГУ, 2007. Вип. 6. С. 30 – 41; Кирчанов М.В. (Кәрчансен Максәм), *Хресченсем – халӑх – Чӑваш наци*: воображая и создавая чувашскую нацию (проблемы истории чувашского национализма конца XIX – начала XXI века). Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. 244 с.

⁵ Кирчанов М.В. Идентичность и историонаписание (обобщающие исторические исследования в Чувашской АССР) // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. Воронеж: НО ФМО ВГУ, 2007. Вип. 3. С. 6 – 27; Кирчанов М.В. Между «историей Чувашии» и «чӑваш хутлӑх»: три формы постсоветского историонаписания // Панорама. Научный журнал. 2011. № 1. С. 101 – 119; Кирчанов М.В. История Чувашии между чӑваш ӗҫрешӗвӗ и чӑваш хутлӑх: дилеммы историонаписания между этноцентризмом и модернизмом // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: коллективная монография. В 2-х т. Т. II. / отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 174 – 186.

которые определяют основные векторы и траектории развития чувашской историографии на современном этапе, что предусматривает решение нескольких задач, включая 1) анализ генезиса гранд-нарративов, 2) изучение типологии и структуры гранд-нарративов, 3) выявление их места в рамках исторического воображения и профессиональной академической историографии.

Специфика чувашских «больших нарративов». Гранд-нарративы в истории чувашской гуманитарной мысли возникли практически одновременно с институционализацией профессиональной академической историографии, которая в 20 веке стала формой как функционирования, так и воспроизводства исторических и политических мифов⁶, а категория «мифического» в таких обществах почти стала синонимом категории «идеологического»⁷. Идеологизация и мифологизация, как две формы манипуляции с прошлым, в чувашской интеллектуальной истории 20 – 21 века фактически стали формами (вос)производства исторического знания. В истории развития больших нарративов в чувашской историографии следует выделять три периода. Первый этап следует датировать советским периодом, второй – 1990-и годами, третий – 2000 – 2010 годами.

Все три этапа характеризуются своими особенностями. Первый стал временем институционализации профессиональной гуманитарной науки, отличаясь значительным уровнем ее политизации и идеологизации, глубокой степенью интеграции в официальный советский идеологический канон, вытеснением национальной истории в пользу написания социально-экономической и государственно-политической истории и фактически отсутствием независимой чувашской историографии. Второй период стал временем непродолжительного национального возрождения, сопровождаясь попытками поиска новых методологических модусов как описания, так и написания истории, что было отмечено одновременным сосуществованием нескольких методологических подходов – от традиционного позитивизма до радикального модернизма.

Если в советский период возможность написания чувашской истории как национальной отрицалась, то в 1990-е годы национальное историонаписание, которое предусматривало «определенную модель этнополитической истории нации, акцентирующую внимание на

⁶ Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2010. Т. 17. Сш. 1 – 2 (32 – 33). С. 89 – 116; Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1 – 2 (36 – 37). С. 213 – 238.

⁷ Аретов Н. Изковаването на мита за Русия. Райна българска княгиня // LiterNet. 2012. 16 февруари. № 2 (147). URL: <https://litenet.bg/publish8/naretov/rusiia.htm>

нескольких ключевых периодах и эпизодах прошлого», акцентируя внимание общества «не только на определенной реконструкции прошлого, но и на ценностном, оценочном отношении к фактам и событиям истории»⁸, вошло в число актуальных задач. Второй период, по мнению ряда историков, может быть определен как «этап написания национальных историй начался, прежде всего, с освобождения от марксистско-ленинских догм и пресловутого классового подхода», что вдохновило непродолжительное сотрудничество между интеллектуалами и постсоветскими элитами, «озабоченными вопросом о том, каким образом представить свои народы в общеевропейском сообществе. Перед учёными, по сути дела, была поставлена нелёгкая задача показать, насколько их народ уникален и самобытен, а потому может заслуженно претендовать на достойное место среди других европейских народов»⁹. Это привело к тому, что элиты предприняли попытки ликвидировать самостоятельный академический дискурс, вдохновив инструментализацию истории и ее фактическое использование в политических целях.

Третий этап (2000 – 2010-е годы) ознаменован как унификацией исследовательского дискурса и попытками реставрации позитивистской парадигмы описания исторического процесса, так и одновременным сосуществованием с доминирующей историографией альтернативных (конструктивистских и модернистских) тенденций, которые, как правило, маргинальны не в методологическом плане, но в количественном измерении в силу своей невидимости на фоне доминирующих текстов, написанных в рамках неопозитивистской парадигмы. Второй и третий этапы в истории больших нарративов связаны с попытками ревизии старых больших нарративов в чувашской историографии.

Актуальность ревизии как деконструкции исторических гранд-нарративов периодически декларируется в историографии. Например, по мнению белорусского историка П. Барковски, «сегодня необходимо продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе»¹⁰. В чувашском интеллектуальном контексте эти задачи фактически игнорировались интеллектуалами,

⁸ Измайлов И. Дилемма национальной истории в федеративной стране: государственность и этничность // Казанский федералист. 2002. № 2 (Весна). С.60 – 78.

⁹ Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 273 – 295.

¹⁰ Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер / П. Баркоўскі // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 93 – 96.

которые были вынуждены решать качественно другие проблемы, действуя в рамках преимущественно неопозитивистской методологии. На протяжении этих трех этапов в истории исторического воображения сложился набор больших нарративов, которые активно используются и в современной чувашской историографии.

Классический набор чувашских «больших нарративов». Практически все современные общества используют «широкий спектр реакций на прошлое, начиная с элементарных символов, неосознанных фрагментов информации о прошлом, представлений о причинных взаимосвязях и заканчивая историческими доктринами и схемами, ежедневно входит в сознание людей»¹¹. Чувашия не является исключением из этой универсальной логики развития национализма, который имел непростые отношения с академической историографией. Поэтому, на протяжении 20 и в начале 21 века в чувашской историографии сложился определенный набор повествовательных (нарративных) структур, которые могут претендовать на статус гранд-нарративов.

Эти нарративы в чувашском историческом воображении следующие: чувашаи имеют древних и великих предков, чувашская история непрерывна от этногенеза предков чувашей до современного этапа в развитии Чувашской Республики; Волжская Булгария представляла собой одну из первых исторических форм чувашской государственности; Казанское Ханство не было чувашским государством, а чувашаи в его рамках становились жертвами как национального, так и религиозного угнетения; вхождение чувашей в состав Русского государства имело исключительно добровольный характер; национальное возрождение стало следствием активности общественных деятелей чувашского происхождения или влияния со стороны прогрессивных русских мыслителей; 20 век стал периодом создания и развития чувашской государственности в ее различных формах.

Комментируя особенности исторического воображения, украинский историк Г. Касьянов в качестве центральных особенностей гранд-нарратива определяет «линейность и абсолютизация непрерывности собственной нации», предусматривающие признание историками того факта, что «нация существовала всегда, по крайней мере, в рамках обозримой и описываемой истории. В более мягком – она существует с

¹¹ Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1 – 2 (36 – 37). С. 179 – 212.

перерывами»¹². Эти признаки характерны и для чувашского исторического воображения, в особенности – в этнизированных версиях истории, сфокусированных на проблемах чувашского этногенеза. По мнению ряда историков, «до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории»¹³, что существенно повлияло на векторы и траектории развития исторического воображения, включая те большие нарративы, которые доминировали в советской историографии.

Особенности чувашских гранд-нарративов. Все эти гранд-нарративы современной чувашской историографии, с одной стороны, следует воспринимать как наследие советской исторической науки, а, с другой, все они в значительной степени были интегрированы в советские и российские методологические контексты. Чувашские исторические нарративы как в советский, так и постсоветский период были частью национальной историографии в ее советизированной и интегрированной в официальный политический и идеологический канон версии. Анализируя особенности чувашской историографии как национальной, во внимание следует принимать несколько факторов общего плана, которые характеризуют основные векторы и траектории развития национальных советских историографий в целом.

Во-первых, национальные историки «до известной степени были декоративными фигурами». Во-вторых, они были вынуждены «демонстрировать достижения советского социализма в разрешении национального вопроса, процессы всестороннего развития и сближения национальных культур и наук, интегрированных единым социалистическим содержанием»¹⁴. В-третьих, национальные историки сочетали требования советской идеологии с ценностями национализма, что порождало многочисленные внутренние противоречия, маргинализируя саму идею национальной истории в силу того, что она была связана с теми принципами национализма, которые оказалось невозможно интегрировать в советский идеологический канон.

В контексте методологии исторической науки, исходя из этих трех особенностей исторического воображения, которые сформировались в

¹² Касьянов Г. Национализация истории в Украине. Лекция 13 ноября 2008 года, прочитанная в литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». URL.: <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>

¹³ Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. №3. С. 20 – 25.

¹⁴ Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 21 – 72.

советский период, большинство чувашских гранд-нарративов фактически существуют в рамках традиционного позитивистского (событийного) дискурса, воспроизводя его. В этой ситуации важнейшей особенностью гранд-нарративов в современной чувашской ситуации является их зависимый характер до 1991 года от советской идеологической, с после 1991 года – от актуальной российской политической и методологической ситуации, что фактически исключает появление уникальных школ в национальных историографиях России, так как они копируют и воспроизводят механизмы существования российской историографии в целом.

Анализируя особенности чувашских исторических больших нарративов, во внимание необходимо принимать и роль национализма в развитии исторического воображения: например, американский историк Дж. Фридмэн полагает, что «история историков является и их идентичностью»¹⁵ в то время как, по мнению Э. Смита, «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты... нации создаются в историческом воображении»¹⁶.

Гранд-нарративы чувашского исторического воображения испытали на себе практически все эти родовые травмы институционализации историографии в национализирующемся обществе. В чувашском интеллектуальном контексте исторические гранд-нарративы практически всегда были связаны с артикуляцией национальной чувашской идентичности, что фактически предопределило связь между национализмом и историческим воображением. Основной сферой бытования и доминирования гранд-нарративов в чувашской историографии являются обобщающие академические исторические и историко-литературные исследования, или неакадемические «синтетические» версии чувашской истории.

Фрагментация и гетерогенизация чувашских гранд-нарративов. Анализируя роль и место больших нарративов в современной чувашской историографии, во внимание следует принимать фактор их фрагментации в условиях гетерогенизации историографического пространства, что стало неизбежными

¹⁵ Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. No 1. P. 41 – 62.

¹⁶ Smith A.D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.

последствиями кризиса и распада советской модели историописания. В современном мире именно общество «становится основным потребителем памяти»¹⁷, а различным его группам в гомогенных государствах или этническим сообществам в многосоставных странах нужны диаметрально противоположные версии прошлого. Фрагментация исторического воображения и гетерогенизация гранд-нарративов связаны с особенностями как развития, так и институционализации исторической науки в авторитарных и поствавторитарных обществах.

Украинский историк И. Колэсник, комментируя ситуацию, полагает, что «историк всегда находится в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы правителей, династий, стран, даже выступают архитекторами новых государств. Другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые сознательно отстраняются от власти и государственных институтов, ведь настоящий интеллектual всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму»¹⁸. Чувашская историография не является исключением. Поэтому, процесс фрагментации исторического воображения, в том числе – и гранд-нарративов, обрёл необратимый характер, что привело к одновременному сосуществованию как академических, так и неакадемических больших нарративов. Постсоветские интеллигенции, в том числе – и чувашская, столкнулись «с кризисом написания истории»¹⁹, что предопределило и изменения среди больших нарративов, тиражируемых чувашской историографией.

Фрагментация чувашского исторического воображения фактически оказалась неизбежной в силу того, что советская модель исторического знания отличалась несколькими особенностями, среди которых «крайняя политизация историографии», «монополизация историографического производства» и «высокая степень политизации исторических дебатов»²⁰. Если чувашские гранд-нарративы в советской историографии были фактически унифицированы и интегрированы в идеологический канон, то историография 1990 – 2010-х годов развивается как множественная и гетерогенная. Несмотря на то, что в

¹⁷ Иванова Е. Консенсуси на българската памет // Либерален преглед. 2012. 29 март. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45>

¹⁸ Колесник І. Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. 2017. Вип. 9. С. 9 – 24.

¹⁹ Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. No 4. P. 631 – 647.

²⁰ Кушко А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность. // Ab Imperio, 2003. № 1. С. 485 – 495.

обществе может существовать стереотип о том, что историки «будут иметь дело с четко определенными “прочными” политическими, экономическими и социальными фактами»²¹, интеллектуальные сообщества нередко предпочитают пользоваться мифами и политически мотивированными идеологемами, облекая их в одежды больших исторических нарративов.

Кризис и исчезновение советской модели написания истории не институционализировали одновременное сосуществование несоветской и национальной историографии. Вместо этого историческое знание фрагментировалось в другом направлении: наряду с академической историографией актором интеллектуальной ситуации стала неакадемическая историческая традиция, сфокусированная на воспроизводстве фольклорно-исторических нарративов, созданных в этнизированной системе координат. Поэтому, в современной чувашской историографии сосуществуют одновременно гранд-нарративы этнической непрерывности и государственно-политической традиции, описанные / написанные в рамках событийной неопозитивистской парадигмы, и содержательно другие большие нарративы, основанные на радикальной этнизации исторического процесса и экспорте чувашской этничности на те группы и сообщества, которым она была чужда.

Академические гранд-нарративы. Сфера доминирования академической и / или официальной версии чувашских гранд-нарративов ограничена институционализированной историографией. Среди акторов воспроизводства официального исторического нарратива особая роль принадлежит ЧГИГН – Чувашскому государственному институту гуманитарных наук – фактически монополизировавшему производству историографической научной продукции. Исторические и филологические факультеты Чувашского государственного университета и Чувашского государственного педагогического университета также вовлечены в производство и воспроизведение официального историографического канона, но в несколько меньшей степени. Официальные нарративы нередко поддерживаются теми, кого российский историк Н. Копосов определяет как «чиновников от истории», которые в большинстве своем – «не радикалы, но конформисты»²². Именно этот конформизм и определил основные векторы и траектории развития академических гранд-

²¹ Пок А. Политическите употреби на исторически митове и фабрикуването на омраза // Либерален преглед. 2013. 14 май. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/europe/2055-2013-05-14-14-30-44>

²² Копосов Н. Профессия – историк // Гефтер. Интернет-журнал об исторической науке и обществе. 2014. 14 апреля. URL: <http://gefeter.ru/archive/12003>

нарративов в чувашской историографии, которые стали следствием компромисса между националистическими амбициями интеллектуалов и чиновников, заинтересованных в сохранении монополии на власть даже в том случае, если приходится симулировать и имитировать верность принципам и ценностям национализма того сообщества, к которой политический класс формально принадлежит.

Гранд-нарративы в их официальной, компромиссной и санкционированной версии, как правило, представлена в т.н. «синтетических» версиях истории – нарративных коллективных конструкциях, которые претендуют на генерализацию, систематизацию и практически всестороннюю фиксацию и осмысление исторического процесса. Поэтому коллективные тексты, включая «История Чувашии новейшего времени» (в двух томах, 2001, 2009)²³ и коллективная «Краткая история Чувашии и чувашского народа» (2019)²⁴, «История чувашской литературы XX века, 1900 – 1955 годы»²⁵ и «История чувашской литературы, 1956 – 2000-е годы»²⁶, «Истоки государственности чувашей» (2018)²⁷ и «Создание Чувашской государственности 1920 – 1925» (2018)²⁸ В.Н. Клементьева стали сферой доминирования исторических гранд-нарративов в официальной академической версии.

Все эти синтетические попытки написания истории в политическом, этническом и литературно-историческом измерении опирались на более частные штудии истории литературы²⁹ и

²³ История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917 – 1945 / ред. И.И. Бойко. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001. 262 с.; История Чувашии новейшего времени. Кн. 2. 1945 – 2005 / науч. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2009. 398 с.

²⁴ Краткая история Чувашии и чувашского народа / Д.В. Басманцев, И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров, Д.В. Егоров, В.П. Иванов, В.Н. Клементьев, Е.В. Михайлова, Н.С. Мясников, Г.А. Николаев, А.С. Сараев, В.Г. Харитонов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство – Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2019. 446 с.

²⁵ История чувашской литературы XX века, 1900 – 1955 годы / отв. ред. В.Г. Родионов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015. 431 с.

²⁶ История чувашской литературы, 1956 – 2000-е годы / отв. ред. А.Ф. Мышкина. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015. 432 с.

²⁷ Клементьев В.Н. Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2018. 383 с.

²⁸ Клементьев В.Н. Создание чувашской государственности. 1920 – 1925. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2018. 382 с.

²⁹ Артемьев Ю.М. Чувашская литература: учебник для X – XI классов русскоязычных школ. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2003. 238 с.; Артемьев Ю. XX ёмёр пусламăшĕнчи чăваш литератури. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1992. 254 с.; Родионов В.Г. Чăваш литератури. XVIII – XIX ёмĕрĕн пĕрремĕш сурри. Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 1999. 171 с.; Родионов В.Г. Чăваш литератури (XIX ёмĕрĕн иккĕмĕш сурри). Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 2002. 248 с.; Родионов В.Г. Чăваш литератури. 1917–1930-мĕш çç. Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 2005.

политической истории³⁰, которые также не были свободны от наличия гранд-нарративов в силу того, что академическая историография по мере своей профессионализации неизбежно превращается как в фабрику по производству смыслов для легитимации идентичности, так и больших историографических конструктов, призванных социализировать потенциальных граждан в рамках той или иной санкционированной и канонической версии исторического воображения. Как появление этих коллективных текстов, так и традиции их наименования отражает и актуализирует те проблемы и противоречия, в рамках которых существует современный чувашский гуманитарный дискурс.

Примечательно, с одной стороны, стремление избежать актуализации идентичностных категорий «чувашского» и «чувашскости»: поэтому синтетическая история фигурирует как «история Чувашии», что сводит региональный исторический процесс до регионального уровня общероссийских исторических тенденций, нивелируя историю нации до истории географически и пространственно ограниченной территории. Анализируя гранд-нарративы в современной историографической ситуации Чувашии, во внимание следует принимать, что чувашская идентичность в большей степени проявляется в штудиях, сфокусированных на историографии чувашской истории³¹, истории традиционной чувашской культуры и религии³², этнической и языковой истории чувашей и чувашских исторических и языковых предков³³. Эти штудии более национально ориентированы чем тексты, сфокусированные на новейшей политической истории и истории чувашского национализма, так как интеллектуалы, вовлеченные в анализ истории этничности, менее зависимы от идеологической конъюнктуры.

С другой стороны, этническая и национальная компонента в большей степени актуализированы в попытках историзации

352 с.; Родионов В.Г. Чăваш литератури: X класра вĕренмелли вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 2003. 272 с.

³⁰ Иванов В., Клементьев В. Образование чувашской автономии. Предпосылки. Проекты. Этапы. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2010. 191 с.; Щербаков С. В. Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект. Чебоксары: Новое Время, 2013. 175 с.

³¹ Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.

³² Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа / науч. ред. С. А. Арутюнов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2016. 688 с.; Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.

³³ Салмин А.К. Савиры, булгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.

литературного процесса при помощи больших нарративов. Большие нарративы в историко-литературных штудиях в значительной степени отличаются от традиционных исторических исследований обобщающего характера. Чувашский литературовед В.Г. Родионов, комментируя особенности больших нарративов в историко-литературных исследованиях, определил их следующим образом: «многие истории национальных литератур относятся к описательным, ибо в подобных работах изложение понимания литературного процесса соединяется с пересказом известных фактов, в той или иной степени связанных с писателями и их произведениями»³⁴.

Подобный подход стал фактически частью позитивистского наследия, которое чувашская интеллектуальная традиция восприняла от российской историографии как источника приобщения к мировым историографическим трендам и тенденциям. Анализируя гранд-нарративы в двухтомной «Истории чувашской литературы», во внимание следует принимать их фронтальный характер: с одной стороны, очевидна советская неопозитивистская инерция и стремление систематизировать и каталогизировать факты; с другой, историко-литературный процесс в коллективных текстах об истории чувашской литературы подвергся ограниченной национализации.

В целом, авторы проекта пытались ограниченно и умеренно трансплантировать теоретические и методологические принципы конструктивизма и модернизма, оставшись при этом в рамках неопозитивистской парадигмы, что и породило родовые травмы текста, полученного в результате реализации проекта: с одной стороны, для сторонников, радикальной эпистемологии текст может показаться архаичным, а для приверженцев традиционной позитивистской модели – неканоничным. Эти особенности анализируемых гранд-нарративов стали следствием их инерционного происхождения, возникновения в рамках советского историографического наследия и непосредственного континуитета с ним.

³⁴ Родионов В.Г. Проблемы создания историй национальных и региональных литератур Урало-Поволжья (о монографии «История чувашской литературы XX века» в двух частях) // Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья. К 70-летию литературоведа и фольклориста, доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 197 – 217; Родионов В.Г. «История чувашской литературы XX века»: из опыта создания коллективных трудов // Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана З. Бишевой и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Н. Наджми, г.Уфа, 12 апреля 2018 года. Уфа, 2018. С. 205 – 210.

Поэтому, гранд-нарративы таких текстов как «История Чувашии новейшего времени», «Истоки государственности чувашей», «Создание чувашской государственности. 1920 – 1925» и «Краткая история Чувашии и чувашского народа» основаны на позитивистской методологии, в основе которой лежит коллекционирование, систематизация и типологизация фактов как событий, что, к сожалению, содержательно приближает подобные тексты к советскому историографическому наследию с той лишь разницей, что коммунистическая идеологическая парадигма заменена на национальную, хотя и в этом контексте чувашские интеллектуалы оказались крайне осторожны и нерешительны в национализации исторического процесса, что фактически исключает написание истории Чувашии как чувашской национальной истории, обрекая академическое сообщество на воспроизводство регионализированных больших нарративов российской историографии.

Академические гранд-нарративы актуализируют умеренные тенденции в развитии современной чувашской историографии и, как правило, связаны с официальной институционализированной исторической наукой. Поэтому, академические большие нарративы нацелены как на трансляцию, так и на воспроизводство официального историографического канона. В этой ситуации академические гранд-нарративы развиваются в рамках инерционной модели, воспроизводя в модифицированной версии историографические мифы, унаследованные от советской чувашской историографии.

Будучи фактически частью советского историографического наследия, академические гранд-нарративы воспроизводят утверждения, ставшие общими местами в историографии, включая идею древней истории чувашей, неразрывности политической и государственной традиции, в рамках которой центральным и кульминационным моментов и историческом развитии чувашей как нации становится создание советской модели государственности, которая в начале 1990-х годов трансформировалась в современную форму чувашской государственности в составе Российской Федерации.

Неакадемические гранд-нарративы. Наряду с академическими гранд-нарративами в современном чувашском историческом воображении существуют и функционируют неакадемические большие нарративы, связанные с попытками последовательной национализации и этнизации исторического процесса. Генезис неакадемических больших нарративов в чувашской историографии представляет собой сложный процесс.

С одной стороны, их появление было невозможно как без развития, так и подавления чувашского национализма в советский

период в силу того, что принудительная интеграция национальной идентичности в официальный канон породила и альтернативные, неакадемические, тенденции в развитии чувашской историографии. С другой стороны, появление неакадемических гранд-нарративов как части большого неакадемического дискурса связано и с незавершенностью процессов модернизации. Модернизм, как интеллектуальное, в том числе и историографическое явление, по мнению болгарского историка Н. Аретова, «это не только совокупность текстов, он подразумевает определенный социальный и культурный контекст, определенное мировосприятие и существование традиции, которая должна быть отвергнута. В некоторых нетипичных случаях современное общество может по различным каналам стимулировать некоторые (частично) современные идеи для мира наций и этнических групп, где процесс модернизации далеко не завершен»³⁵.

К числу таких обществ может быть отнесено и чувашское, которое успешно существует в рамках парадигмы формальной социальной и экономической модернизации (или ее симуляции через трансплантацию институтов), что предусматривает незавершенность модернизации интеллектуальной сферы в силу того, что приобщение к западному историографическому дискурсу, к сожалению, носит поверхностный характер. Поэтому, по мнению ряда исследователей современной культурной и историографической ситуации, «антимодерн – это не реакция на современность, а часть ее самого определения»³⁶. Вероятно, чувашское общество было не готово как к радикальной советской модернизации, так и не менее радикальным переходам к рынку, что актуализовало элементы архаического и традиционного сознания, которые существовали в формально советской чувашской идентичности.

Распад официального советского идеологического канона спровоцировал многочисленные изменения в историографии, сделав возможным «деконструкцию мифов или исторической традиции, деконструкцию возможности коллективной идентификации с определенными историческими событиями в более широком горизонте идентичности»³⁷, содействуя этнизации последней. Если в советский период национальные версии истории «не могли поколебать силу

³⁵ Аретов Н. Диалектика на традиционното и модерното в българската национална митология. "Миналото" на Стоян Заимов // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерно-стта? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 10 – 27.

³⁶ Манчев Б. Модерност и антимодерност. Българският националекзотизъм // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 376 – 416.

³⁷ Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі. С. 193.

официального дискурса»³⁸, то распад советской версии исторического знания создал условия для прогресса и большей видимости неакадемических гранд-нарративов в чувашском историческом воображении. Если в советской модели гуманитарного знания «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставлены под контроль и управление», то после кризиса советской историографии начался «рост фрагментации памяти»³⁹.

Неакадемические гранд-нарративы в чувашской историографии генетически связаны с советским историографическим наследием. Если в советский период «националистически настроенная интеллектуальная элита была вынуждена адаптировать специфику националистической риторики к требованиям советского идеологического текста», то «дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры»⁴⁰. Кризис советской модели исторического воображения не привел к радикальным изменениям в историографии. Поэтому, культура и те тренды в историографии, которые развивались в рамках фольк-хистори, остались сферой доминирования неакадемических гранд-нарративов в историческом воображении. Кроме этого «концептуальные изъяны историографии», по определению Д. Усмановой, были характерны для советской модели историографии в целом и тех гранд-нарративов, которые она воспроизводила.

Поэтому, такие особенности советской историографии как «провозглашенная денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого» делали «невозможным развитие исторической науки в направлении создания национальной истории»⁴¹. Национально ориентированные чувашские интеллектуалы были недовольны подобными идеологическими ограничениями, что стало одним из факторов роста неакадемических гранд-нарративов в постсоветской историографии.

³⁸ Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab Imperio*. 2003. No 2. С. 361 – 392.

³⁹ Аўтўэйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // *Палітычная сфера*. 2006. № 6. С. 27 – 43.

⁴⁰ Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // *Ab Imperio*. 2003. No 1. С. 149 – 176.

⁴¹ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3. С. 337 – 360.

Неакадемические большие нарративы в современном чувашском историческом воображении гетерогенны. С одной стороны, они существуют в форме имитации или симуляции академической историографии. С другой, гранд-нарративы неакадемической историографии в большей степени заметны в синтетических версиях чувашской истории, написанных с позиций этноцентризма. Эти две тенденции функционирования неакадемических больших нарративов представлены в ряде текстов. Например, для работ Г.И. Тафаева⁴² характерны попытки синтеза академической и неакадемической историографии, что фактически ведет к имитации первой в рамках этноцентричного дискурса.

Неакадемические гранд-нарративы активно используют ресурсы и потенциал тех подходов, чья репутация в академической историографии сомнительна или противоречива. Г.И. Тафаев, в частности, синтезирует цивилизационный подход с умеренным национализмом, оперируя фактически наукообразными определениями в стиле «патриотизм рода и племени в Империи хунну», «патриотизм земли проточувашей» или «патриотизм земли Волжской Болгарии». Неакадемические гранд-нарративы более радикальны и гетерогенны как по качеству, так и содержанию⁴³. Для неакадемических гранд-нарративов, по мнению некоторых исследователей взаимоотношений истории и политики, характерна «сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этно-национального фактора в качестве основного критерия исторического познания»⁴⁴, что в целом достаточно четко прослеживается в этноцентричных версиях чувашского исторического воображения.

⁴² Тафаев Г.И. Праболгары в сообществе цивилизаций. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2009. 160 с.; Тафаев Г.И. Смена цивилизации. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2009. 156 с.; Тафаев Г.И. Введение в историю Чувашии. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2009. 144 с.

⁴³ Антей Илитвер, Предыстория чувашского народа (Опыт выявления генеалогической линии этноса). Чебоксары: Фонд историко-культурных исследований им. К.В. Иванова, 2003. 160 с.; Николаев В.В. История предков чувашей. XXX в. до н. э. — XV в. н. э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2005. 408 с.; Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Книга 1. Древняя эпоха — до 500 г. до н. э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2006. 100 с.; Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Книга 2. Античность — 1. С 499 г. до н.э. до 1 г. до н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2006. 144 с.; Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Книга 3. Античность — 2. С 1 г. н.э. до 500 г. н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2007. 156 с.

⁴⁴ Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени. С. 21.

Активным участником продвижения неакадемических больших нарративов является Фонд историко-культурных исследований им. К.В. Иванова, который поддерживал издательские проекты, направленные на продвижение и популяризацию неакадемических версий истории. Анализируя неакадемические гранд-нарративы, максимальное удревление чувашской истории, объявление чувашами или чувашскими предками этнических групп древности, актуализация континуитета политической и этно-лингвистической истории чувашей могут быть определены в качестве их системных особенностей. Российский историк В.А. Шнирельман, анализируя подобные манипуляции с историей, подчеркивает, что «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности... современная этничность искусственно навязывается глубокой древности»⁴⁵.

Именно поэтому гранд-нарратив чувашской истории в версии Г.И. Тафаева получается чрезмерно пролонгированным, начинаясь с появлением первых людей в Поволжье «около 80 тысяч лет назад». Если для академической историографии наибольший интерес представляют проблемы осмысления исторического процесса, интеграция чувашской истории в общероссийские каноны, то неакадемическая историография склонна, наоборот, этнизировать и национализировать исторический процесс, трансплантируя чувашскую этничность и идентичность на историю тех групп, которые не имели отношения ни к чувашам в частности, ни к тюркам в целом.

Предварительные итоги исследования. Подводя итоги изучения чувашских историографических больших нарративов, во внимание следует принимать несколько факторов.

С формальной, позитивистской, точки зрения чувашские нарративы в принципе легко поддаются изучению, могут быть систематизированы, типологизированы и классифицированы, но этот подход накладывает на исследователя многочисленные ограничения, связанные с его предпочтением пребывать и оставаться в рамках традиционной событийной парадигмы описания и написания истории Чувашии как истории территории. Осознание гранд-нарративов в неопозитивистской системе координат позволяет писать историю Чувашии именно как историю Чувашии в социально-экономической

⁴⁵ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. С. 20, 24.

системе координат с преобладанием сюжетов из политической и государственной истории, что оставляет незначительные возможности для экспансии сюжетов культурной или религиозной истории в контексты государственно-политической или социально-экономической истории.

Гипотетический отказ от восприятия больших нарративов в рамках традиционного историографического позитивистского мышления, вероятно, позволит подвергнуть ревизии традиционный набор больших нарративов в чувашском историческом воображении, что может в перспективе трансформировать историю Чувашии в чувашскую национальную историю. Это актуально как для традиционной истории, так и для историко-филологических исследований в силу того, что история чувашской литературы пишется в рамках инерционной модели как история литературы Чувашии, хотя степень проявления национальной идентичности в историко-литературных студиях несколько выше чем в традиционных исторических исследованиях. Эта интеллектуальная ситуация в развитии актуального чувашского исторического воображения стала, вероятно, следствием одновременного воздействия разных факторов.

На протяжении длительного времени в Чувашии существовало предубеждение в отношении чувашского национализма, что привело к его маргинализации и не сделало национализм фактором развития исторического воображения и интеллектуальной традиции, что, например, имело место в ряде центрально- и восточноевропейских историографий в постсоветский период. В постсоветской Чувашской Республике национализм также не стал полноценным фактором и полноправным актором развития современного чувашского общества, что не привело к трансформации историографии в национальную. Поэтому, современное чувашское историческое воображение существует и развивается в рамках в значительной степени инерционной модели.

Исторические большие нарративы в чувашской историографии самым тесным образом связаны с развитием чувашского национализма и тех проектов нации и идентичности, которые предлагались чувашскими националистами разных культурных, социальных и политических поколений, но связь чувашского национализма с исторической наукой дискретна, так как интеллектуальная традиция Чувашии в своей современной истории 20 века знала как периоды активизации и роста национального сознания, так и попыток ассимиляции, интеграции чувашской идентичности в этнически и политически чуждые проекты. Степень проявления интеллектуальной независимости и чувашской идентичности в больших исторических

нарративах непосредственно, с одной стороны, зависела и зависит от общероссийской политической и интеллектуальной ситуации. С другой стороны, теоретические и методологические предпочтения русской историографии также фактически оказались важным фактором в развитии чувашского исторического воображения в 20 – начале 21 века в контекстах попыток институционализации и визуализации гранд-нарративов в историографическом пространстве.

Анализируя гранд-нарративы в современном чувашском историческом воображении, актуально и то, что академические и неакадемические версии больших нарративов практически не пересекаются, но существуют параллельно: если академическая историография предпочитает игнорировать «достижения» фольклористов, то неакадемические версии исторического воображения активно ассимилируют потенциал академической историографии, интегрируя ее достижения в фактически популистский и этноцентричный дискурс. В целом, гранд-нарративы в современной чувашской историографии гетерогенны, постсоветские тенденции сосуществуют с национальными, неопозитивистский методологический язык софункционирует с постмодернистским и конструктивистским модусом описания / написания истории, но возможные векторы и траектории развития больших нарративов в чувашском историческом воображении в значительной степени продолжают оставаться неясными и неопределенными.

Библиографический список

1. Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. No 1. P. 41 – 62.
2. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. No 4. P. 631 – 647.
3. Smith A.D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.
4. Антей Илитвер, Предыстория чувашского народа (Опыт выявления генеалогической линии этноса). Чебоксары: Фонд историко-культурных исследований им. К.В. Иванова, 2003. 160 с.
5. Аретов Н. Диалектика на традиционното и модерното в българската национална митология. "Миналото" на Стоян Заимов // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерно-стта? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 10 – 27.
6. Аретов Н. Изковаването на мита за Русия. Райна българска княгиня // LiterNet. 2012. 16 февруари. № 2 (147). URL: <https://litenet.bg/publish8/naretov/rusiia.htm>
7. Артемьев Ю. XX ёмёр пусламӓшӓнчи чӓваш литературы. Шупашкар: Чӓваш кӓнеке издательстви, 1992. 254 с.
8. Артемьев Ю.М. Чувашская литература: учебник для X – XI классов русскоязычных школ. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2003. 238 с.
9. Аўтӓйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27 – 43.
10. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер / П. Баркоўскі // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 93 – 96.
11. Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 21 – 72.
12. Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени. С. 21.
13. Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // Ab Imperio. 2003. No 1. С. 149 – 176.
14. Иванов В., Клементьев В. Образование чувашской автономии. Предпосылки. Проекты. Этапы. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2010. 191 с.
15. Иванова Е. Консенсуси на българската памет // Либерален преглед. 2012. 29 март. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45>
16. Измайлов И. Дилемма национальной истории в федеративной стране: государственность и этничность // Казанский федералист. 2002. № 2 (Весна). С. 60 – 78.
17. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917 – 1945 / ред. И.И. Бойко. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001. 262 с.
18. История Чувашии новейшего времени. Кн. 2. 1945 – 2005 / науч. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2009. 398 с.
19. История чувашской литературы XX века, 1900 – 1955 годы / отв. ред. В.Г. Родионов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015. 431 с.
20. История чувашской литературы, 1956 – 2000-е годы / отв. ред. А.Ф. Мышкина. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2015. 432 с.

21. Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 273 – 295.
22. Касьянов Г. Национализация истории в Украине. Лекция 13 ноября 2008 года, прочитанная в литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». URL.: <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>
23. Кирчанів М. (Максѣмь Кѣрчансен), Європейські тюрки в радянській Росії та створення історичної пам'яті (націоналістична уява й чуваські інтелектуали в 1960 – 1980-х рр.) // Схід / Захід. Історико-культурологічний збірник. Харків, 2009. Вип. 13 – 14. Спеціальне видання. Історична пам'ять і тоталітаризм: досвід Центрально-Східної Європи / за ред. В. Кравченка. С.80 – 100.
24. Кирчанів М.В. Літературознавчий дискурс чуваської інтелектуальної історії (від «раннього» до «високого» сталінізму, 1930 – 1949) // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. Воронеж: НО ФМО ВГУ, 2007. Вып. 6. С. 30 – 41.
25. Кирчанов М.В. (Кѣрчансен Максѣмь), *Хресченсем – халӑх – Чӑваш наци*: воображая и создавая чувашскую нацию (проблемы истории чувашского национализма конца XIX – начала XXI века). Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. 244 с.
26. Кирчанов М.В. Идентичность и историонаписание (обобщающие исторические исследования в Чувашской АССР) // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. Воронеж: НО ФМО ВГУ, 2007. Вып. 3. С. 6 – 27.
27. Кирчанов М.В. История Чувашии между *чӑваш сӗршывӗ* и *чӑваш хутлӑх*: дилеммы историонаписания между этноцентризмом и модернизмом // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: коллективная монография. В 2-х т. Т. II. / отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 174 – 186.
28. Кирчанов М.В. Между «*историей Чувашии*» и «*чӑваш хутлӑх*»: три формы постсоветского историонаписания // Панорама. Научный журнал. 2011. № 1. С. 101 – 119.
29. Клементьев В.Н. Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2018. 383 с.
30. Клементьев В.Н. Создание чувашской государственности. 1920 – 1925. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2018. 382 с.
31. Колесник І. Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. 2017. Вип. 9. С. 9 – 24.
32. Копосов Н. Индивидуальные собирательные имена: к теории основных исторических понятий // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 3. С. 67 – 94.
33. Копосов Н. Профессия – историк // Гефтер. Интернет-журнал об исторической науке и обществе. 2014. 14 апреля. URL: <http://gefeter.ru/archive/12003>
34. Краткая история Чувашии и чувашского народа / Д.В. Басманцев, И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров, Д.В. Егоров, В.П. Иванов, В.Н. Клементьев, Е.В. Михайлова, Н.С. Мясников, Г.А. Николаев, А.С. Сараев, В.Г. Харитонов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство – Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2019. 446 с.
35. Кръстев Д. Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 416 – 449.
36. Кушко А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность. // Ab Imperio, 2003. № 1. С. 485 – 495.

37. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. №3. С. 20 – 25.
38. Манчев Б. Модерност и антимодерност. Българският националехзотизъм // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 376 – 416.
39. Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1 – 2 (36 – 37). С. 179 – 212.
40. Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Книга 1. Древняя эпоха — до 500 г. до н. э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2006. 100 с.
41. Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Книга 2. Античность – 1. С 499 г. до н.э. до 1 г. до н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2006. 144 с.
42. Николаев В.В. Иллюстрированная история чувашей. Книга 3. Античность – 2. С 1 г. н.э. до 500 г. н.э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2007. 156 с.
43. Николаев В.В. История предков чувашей. XXX в. до н. э. — XV в. н. э. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2005. 408 с.
44. Пок А. Политическите употреби на исторически митове и фабрикуването на образа // Либерален преглед. 2013. 14 май. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/europe/2055-2013-05-14-14-30-44>
45. Родионов В.Г. «История чувашской литературы XX века»: из опыта создания коллективных трудов // Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана З. Бишовой и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Н. Наджми, г.Уфа, 12 апреля 2018 года. Уфа, 2018. С. 205 – 210.
46. Родионов В.Г. Проблемы создания историй национальных и региональных литератур Урало-Поволжья (о монографии «История чувашской литературы XX века» в двух частях) // Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья. К 70-летию литературоведа и фольклориста, доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 197 – 217.
47. Родионов В.Г. Чăваш литератури (XIX ёмёрён иккёмёш сурри). Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 2002. 248 с.
48. Родионов В.Г. Чăваш литератури. 1917–1930-мёш сс. Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 2005. 352 с.
49. Родионов В.Г. Чăваш литератури. XVIII – XIX ёмёрён пёрремёш сурри. Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 1999. 171 с.
50. Родионов В.Г. Чăваш литератури: X класра вёренмелли вёренĕ кёнеки. Шупашкар: Чăваш патшалăх университетĕ, 2003. 272 с.
51. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.
52. Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыі пісанні // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1 – 2 (36 – 37). С. 213 – 238.
53. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2010. Т. 17. Сш. 1 – 2 (32 – 33). С. 89 – 116.

54. Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.
55. Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа / науч. ред. С. А. Арутюнов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2016. 688 с.
56. Салмин А.К. Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.
57. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. 2007. № 55. С. 33 – 54.
58. Тафаев Г.И. Введение в историю Чувашии. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2009. 144 с.
59. Тафаев Г.И. Праболгары в сообществе цивилизаций. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2009. 160 с.
60. Тафаев Г.И. Смена цивилизации. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2009. 156 с.
61. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. 2003. No 3. С. 337 – 360.
62. Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии // Ab Imperio. 2003. No 2. С. 361 – 392.
63. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
64. Щербаков С. В. Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект. Чебоксары: Новое Время, 2013. 175 с.

ФАШИЗМ КАК ФЕНОМЕН НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

XX век, известный в истории как столетие идеологий, стал эпохой фашизма, временем его популярности и дискредитации. В этой статье анализируются истоки фашизма, сопоставляются классический фашизм и национал-социализм и доказывается неоднородность фашизма.

Ключевые слова: фашизм, национализм, национал-социализм, Бенито Муссолини.

The 20th century, known in history as the century of ideologies, became the era of fascism, the time of its popularity and discredit. This article analyzes the origins of fascism, compares classical fascism and national socialism and proves the heterogeneity of fascism.

Key words: fascism, nationalism, national socialism, Benito Mussolini.

Фашизм – это правая идеология, которая объединяет в себе идеи национализма, авторитаризма и частично капитализма, возникшая в межвоенный период. В более-менее привычном для современных людей виде он возник в Италии, победившей в Великой войне, но экономически и политически сильно ослабленной страной, пребывающем в затяжном кризисе. Именно там разочаровавшийся в социализме Бенито Муссолини стал лидером и фактически воплощением новой политической мысли. Целями фашизма обозначались перерождение нации, построение стабильного корпоративного государства с сильной экономикой и авторитарным лидером во главе [6].

Однако это не значит, что если фашизм достиг своего успеха в межвоенной Италии, то Бенито Муссолини является создателем фашизма. В основу фашизма легли труды французских, австрийских, немецких и итальянских писателей, экономистов и философов, наиболее известным из которых является немец Фридрих Ницше. Множество идей было заимствовано от националистов и революционеров, боровшие за создание независимых национальных государств в середине XIX века. Французский автор и политик Морис Баррес объединил этническое родство с авторитарным национализмом, его немецкие коллеги заявляли о необходимости сильного харизматичного лидера во главе государства. Британские писатели и политики, размышляя о превосходстве белого человека над другими расами, придумали расизм в его современном понимании, что стало важной составляющей идеологии нацистов [4].

Рост популярности идей фашизма связан со сложившейся политической, экономической и социальной ситуацией в странах Европы после окончания Великой войны. Страны Европы, как

проигравшие, так и победители, были слишком ослаблены, огромные потери среди мужского населения ударили по их экономикам, что вызвало кризис. Следом, как правило, начинались политические кризисы. Прогремевшая в России октябрьская революция 1917 года, чьи вожди создали Третий Интернационал в 1919 году, стала рассматриваться на Западе как угроза европейскому порядку. Исходя из этих факторов, фашизм рассматривался как альтернатива коммунизму, монархизму и либерализму (особенно пестрый идеологический выбор был во время гражданской войны в Испании, во время которой за власть боролись коммунисты, анархисты, фашисты, карлисты-монархисты). Побежденные страны жаждали реванша за поражение в войне и пересмотра несправедливого мира, навязанного Антантой, обиженные итальянцы следовали идеям ирредентизма, а Франция и Великобритания опасались мировой коммунистической революции. Исходя из всего выше перечисленного, идеи фашизма оказались актуальными в нужное время, чем и объясняется их популярность в первой половине XX века.

Идеи фашизма имеют много общего с идеями национализма, и малопонимающие люди склонны соединять их воедино. Однако это не совсем так. Фашизм и национализм – это разные идеологии с единым фундаментом [3].

Фашизм и национализм – это вынужденные современники. С этой точки зрения, идеи фашизма стали пользоваться популярностью в то время, когда в Европе было создано множество национальных государств, во главе которых стояли националистические правительства. Сравнивая тоталитарные режимы Германии и Италии, то первая страна является национал-социалистическим (или как Гитлер назвал нацизм - ультра национализм) государством, то вторая – это классический пример фашистского государства. Сходства между этими режимами заключены, прежде всего, в том, что Гитлер и Муссолини пытались достичь того, чего не удалось их странам во время Великой войны. Как в фашистском, так и ультра националистическом государстве, в пропаганду вкладываются огромные средства, чтобы сформировать культ лидера (дуче, фюрер), регулировать общественное мнение, направив его в нужное русло, и, самое главное, сформировать государственный миф о национальном превосходстве их народов над другими. А также прослеживается сходство идей пангерманизма в Третьем Рейхе и национального ирредентизма в Италии, обе из которых предусматривали объединение этнических немцев или итальянцев в одно государство [3].

Несмотря на схожесть, различия между этими режимами все-таки есть:

1) В Третьем Рейхе расизм и антисемитизм был поставлен на государственный уровень, а пропаганда работала против евреев и цыган. В фашистской Италии к евреям относились более сдержанно и до того времени, пока Муссолини не стал превращаться в пешку Гитлера, они не преследовались и не притеснялись на этнической почве.

2) Ультранационализм Гитлера предусматривал национализацию экономики и полную ее милитаризацию, в то время как Итальянское корпоративное государство не запрещало капиталистические отношения и была лишь частично мобилизована для подготовки к войне.

3) По поводу идей пангерманизма и итальянского ирредентизма: ультранационализм предусматривал не только объединение немцев в одно государство, но и расширение жизненного пространства с последующей немецкой колонизацией и ассимиляцией местного населения, для чего и была развязана война. В то же время фашистская Италия не собиралась покорять полмира – объединение итальянцев в одно государство, подавляющее влияние на Балканском полуострове и создание колониальной империи в Африке по дуге Тунис – Египет – Сомали было максимумом, чего хотел добиться Муссолини.

Фашизм неоднороден: его можно разделить на множество подвидов, которые определились в тех странах, в которых фашисты добились власти. Итальянское корпоративное государство – это эталонный фашистский режим Муссолини. Остальные фашистские государства, такие как Легионерская Румыния (Антонеску), Легионерская Болгария (Борис III), Фалангистская Испания (Франко), Вишистская Франция (маршал Петен), Интегралистская Бразилия (Варгас), - уже не являются такими эталонными, даже несмотря на то, что условия возникновения фашистских режимов в этих странах схожи и не сильно отличаются. Кроме того, все они разделяли структурно идентичный миф о национальном возрождении путём массовой мобилизации и необходимых для его достижения радикальных преобразований. Третий Рейх не стоит относить к подвиду фашистских режимов, поскольку Гитлер охарактеризовал свой режим как ультранационалистический или национал-социалистический [2]. Словосочетание «Фашистская Германия» - это наследие советской историографии и внешней политики 30-40-х годов XX века, поскольку Москва не хотела, чтобы солдаты думали, против кого они сражаются: национал-социалистической Германии, фашистской Италии или Легионерской Румынии. Поэтому все режимы стран Оси были объединены под определением «фашистский». Рассмотрим некоторые фашистские режимы:

1) Фалангистская Испания: в начале гражданской войны Франко провел чистки среди фашистов и предпочел заключить союз с монархистами. Он был достаточно предусмотрителен для того, чтобы вобрать в себя подлинно фашистскую Фалангу с целью придания своему режиму недостающей ауры динамизма и привлекательности для молодёжи [2, 4].

2) Легионерская Румыния: В Румынии король Кароль II сначала было попытался сокрушить помешанное на насилии фашистское движение своей страны — «Железную Гвардию», но их популярность заставила его изменить тактику и взять некоторых лидеров этого движения в правительство. Генерал Антонеску, сместивший с трона Кароля II, на словах был готов разделить власть с «Железной Гвардией», но потом при первой же возможности ликвидировал её силой [2].

3) Вишистская Франция: коллаборационистский режим маршала Петена лишь на словах являлся фашистским. На деле фашистов было не так уж и много, а сам Петен пользовался фашистскими идеями лишь для достижения консервативных целей и избегания новых жертв среди французов, поскольку маршал, герой битвы за Верден, помнил и осознавал, сколько французов погибло в Великой войне [2].

4) Интегралистская Бразилия: бразильская идеологическая мысль была схожей с европейской. В ее основе легли размышления бразильских интеллектуалов над проблемами национальной идентичности и местом Бразилии в мире. Бразильский фашизм – это поразительная смесь национализма, консерватизма и социализма, но оно не вылилось в национал-социализм, как в Третьем Рейхе. Наоборот, различий между интегрализмом и нацизмом предостаточно: интегралисты отстаивали трепетное отношение к католицизму, аграрное развитие страны. Поскольку в Бразилии проживали крупные немецкие и итальянские этнические сообщества, а Германия и Италия инвестировали в развитие бразильской экономики, то бразильские интегралисты были вынуждены маневрировать между национал-социализмом и фашизмом. В отличие от своих европейских коллег, интегралисты не замыслили экспансию в Южной Америке, а сосредоточились на развитии и культивировании бразильской идентичности и недопущении реставрации монархии [1].

5) Легионерская Болгария: болгарский фашизм являлся продуктом реваншистских настроений в обществе и развивался под влиянием итальянского фашизма. Уникальная черта фашизма в Болгарии – это компромисс между бесконечно боровшимися за власть либерализмом и коммунизмом. Поэтому прежде всего в фашизме были

заинтересованы болгарские консерваторы, являвшимися яркими антикоммунистами. Кроме того, после прихода Гитлера к власти в Германии, болгарский фашизм сменил вектор развития: если до этого он развивался итальянским путем, то теперь стал перенимать идеи немецкого национал-социализма. Особенно сильно местные фашисты заинтересовались идеями возрождения «Великой Болгарии». В результате в Болгарии получилась смесь итальянского фашизма и немецкого ультранационализма [5].

Проанализировав несколько фашистских режимов в Бразилии и странах Европы, утверждение о том, что фашизм неоднороден и разделен на несколько подвидов, подтверждается, поскольку построение эталонного итальянского фашизма, каким видел его Муссолини, сталкивается с серьезными препятствиями, которые видоизменяют эталонный фашизм. Это и местный менталитет или реваншистские настроения внутри страны, и уровень национального самосознания, связанный с национальной идентичностью (Интегралистская Бразилия), и амбиции фашистских лидеров (Франко), и внутренняя политическая или экономическая ситуация в стране (борьба между королем и Железной Гвардией в Румынии).

Библиографический список

1. Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 - 1940-х годов // Политические изменения в Латинской Америке. Воронеж: ФМО, 2007. Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/latinoamerikanistika/arhiv-nomerov/2007-2/m-v-kircanov-problemy-konservativnoj-revolucii-v-kontekste-intellektualnoj-istorii-brazilskoj-modernizacii-1920---1940-h-godov> (дата обращения: 28 апреля 2020)
2. Гриффин Р. Фашизм — революция «справа» [Электронный ресурс]. URL: <http://left.by/archives/5519> (дата обращения: 28 апреля 2020)
3. Comparison and contrast of Fascism & Nationalism why these two ideologied sometimes get confused [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studocu.com/en-gb/document/university-of-stirling/issues-in-international-politics/essays/fascism-vs-nationalism/6454407/view> (дата обращения: 28 апреля 2020)
4. Fascism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/fascism> (дата обращения: 28 апреля 2020)
5. Фашизм в Болгарии – специфические черты [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fashizm-v-bolgarii-spetsificheskie-cherty/viewerv> (дата обращения: 28 апреля 2020)

АдГ – АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ?

Аннотация: европейский миграционный кризис стал одним из определяющих факторов, который оказывает влияние на расстановку политических сил в Германии. В статье рассмотрены деятельность ультраправой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) и причины роста поддержки данной партии со стороны коренного населения, что проявилось в электоральном поведении. Автор уделяет особое внимание связи между миграцией в Германию и подъемом АдГ, между уровнем экономического роста земель и приемом мигрантов.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», миграционный кризис, партии, выборы, электоральный успех, партийная программа.

Многие исследователи новейшей истории Германии схожи во мнении, что партиям в политической системе страны отводится едва ли не ключевая роль, одна из центральных и привилегированных позиций. В Федеративной республике Германия партии занимают важное место в качестве конституционно-правового института. Они действуют согласно закону о партиях, формируя и отражая политическую волю народа на всех уровнях. Это и оказание влияния на общественное мнение, развитие политической активности граждан, выдвижение кандидатов на выборах в представительные и законодательные органы, формирование политических целей и программ, а также установление живой связи между народом и государственными органами [4].

При всем многообразии своих полномочий в современном обществе меняются сами партии и их функции. Расстановка политических сил в парламенте всегда во многом определяла векторы развития внутренней и внешней политики. Исходя из этого, руководство политических партий уделяло большое внимание идеологическим и программным вопросам в своей деятельности. Идеология позволяет партиям, пусть и в упрощенной форме, обозначить собственные позиции, продемонстрировать отличия от других политических сил, привлечь избирателей. Таким образом, идеологический компонент всегда играл значительную роль в деятельности политических партий ФРГ, во многом определяя их действия в периоды выборов и в повседневной жизни. Однако за последние годы характер взаимоотношений в треугольнике «государство – партии – общество» кардинальным образом изменился. Если в самом начале своего существования партии выступали в роли рупора определенного класса или слоя, то уже через 10–20 лет они постепенно эволюционировали в «народные партии», опирающиеся на поддержку широкого спектра социальных групп. С середины 1990-х годов традиционные политические идеологии начинают отходить на второй план. Причина

этого кроется в социальных, экономических и культурных изменениях, произошедших в Германии за последние 25 лет.

Во-первых, общество и партии пришли к общему мнению по многим вопросам, которые до этого являлись спорными. Практически никто больше не ставит под сомнение идею парламентской демократии, преступления нацистов признаны на официальном уровне, а объединение Германии стало свершившимся фактом. Более того, партии стали попросту заимствовать идеи своих оппонентов [9].

Во-вторых, происходит разрушение традиционной электоральной базы всех крупных партий. Автоматизация производства, его вывод в развивающиеся страны привели к значительному сокращению рабочего класса, который являлся основным представителем электората. В этих условиях партии оказались перед нелегким выбором: либо формировать новую идеологию, соответствующую современным реалиям, либо постепенно совсем отказываться от идеологии [7].

В условиях размывания электоральной базы практически всех партий, отсутствия серьезных идеологических различий между ними, недоверия избирателей функция партий в качестве представителя интересов определенных социальных слоев постепенно утрачивает свое значение. На ее место приходит функция посредничества между обществом и государством, которая проявляется в исполнении партиями требований избирателей в обмен на электоральную поддержку.

Одной из таких партий стала ультраправая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая на местных выборах в Берлине 18 сентября 2016 года набрала 14,2% голосов [2]. В 2017 году на парламентских выборах АдГ набрала 12,6% голосов, став третьей по численности партией в Бундестаге и первой правой националистической партией, которая вошла в парламент после Второй мировой войны.

На земельных выборах 2018 года Христианско-демократический союз (ХДС) потерял 11,3% голосов в Гессене, 10,4% голосов в Баварии в сравнении с выборами в ландтаги этих земель в 2013 году [11]. Одна из причин такого исхода заключается в противоречиях в самой партии, особенно в рассмотрении миграционной политики Германии. Таким образом, федеральные земли, которые приняли меньше всего мигрантов и беженцев, голосовали за АдГ, тогда как земли, на которые пришелся основной удар по приему мигрантов, отдали свои предпочтения преимущественно ХДС/ХСС.

Это показывает непосредственное влияние миграционных процессов на электоральное поведение граждан в немецких землях. Итак, почему же в стране, которая изначально «приглашала» мигрантов для того,

чтобы восполнить нехватку рабочей силы, коренное население отдает предпочтение националистической партии. Ответ кроется в основных положениях партийной программы АдГ.

Альтернатива для Германии была основана в 2013 году как антиевропейская партия, сделав акценты на иммиграцию и ислам [6]. Это правопопулистская партия, которая придерживается идеи выхода Германии из зоны евро, а также желает заблокировать программу предоставления экономической помощи Греции. Когда число мигрантов, прибывающих в Германию, выросло до критических отметок, АдГ поместила этот фактор в центре своей партийной программы. В области миграционной политики АдГ проводит кампании против массовой миграции на территорию немецких земель и выступает против «исламизации Запада». Также она выступает за восстановления пограничного контроля и стремится полностью закрыть внешние границы ЕС. Эта позиция противоречит идеям Шенгенской зоны – зоны свободного передвижения, охватывающей большую часть Европы, где пограничные проверки обычно минимальны. АдГ утверждает, что Германия должна создать новую пограничную полицию. Фрауке Петри, которая возглавляла партию с апреля 2013 по июль 2015 года, высказывала мысль о возможности в случае необходимости открывать огонь по мигрантам, которые пытаются проникнуть в страну на нелегальных основаниях [10]. Партия настаивает на ужесточении требований предоставления убежища с целью ограничить злоупотребления законодательством. Система социального обеспечения больше не может справляться со всеми просителями убежища, к которым потом присоединяются члены их семьи. Система, предназначенная для помощи отдельным беженцам, эксплуатируется неквалифицированными мигрантами, многие из которых хотят интеграции с немцами.

Кроме того, партия разделяет антиисламские настроения, открыто заявляя о том, что «этой религии нет места в Германии». Лишь «умеренные» мусульмане, которые готовы интегрироваться в немецкое общество, будут рассматриваться как «полезные члены общества» [5]. АдГ запрещает иностранное финансирование мечетей в Германии и собирается провести проверку всех имамов. «Умеренные» мусульмане, которые принимают интеграцию, являются «ценными членами общества», говорится в программе. По оценкам, в Германии живут три миллиона человек турецкого происхождения, большинство из которых мусульмане. Вице-председатель партии АдГ и член Европейского парламента Беатрис фон Шторх заявила, что «ислам сам по себе представляет собой идеологию, не совместимую с основным законом». Сооснователь партии Александр Голанд отметил, что «ислам не похож

на христианство, он как концепт часто ассоциируется с захватом и свержением власти» [3]. Антимусульманские настроения разделяют почти две трети немцев. Порядка 20% населения готовы трансформировать свои взгляды в конкретные политические действия. Правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» выстраивает свою политику на антимусульманских настроениях, что позволило ей занять третье место на выборах в Бундестаг в 2017 году [1].

Первый лидер партии, Бернд Лакке, возглавил группу экономистов, которые выступали против спасения Греции и других оказавшихся в кризисе стран. Они считают, что налогоплательщики Германии не должны нести ответственность за огромные долги, которые накопили расточительные правительства еврозоны. Если ЕС не будет реформирован и продолжит централизацию, говорит АдГ, партия будет стремиться вывести Германию из ЕС [8].

Электоральный успех «Альтернативы для Германии» связан с рядом факторов. Среди них можно выделить существующие внутренние разногласия в ХДС и неспособность прийти к компромиссу в рамках «Большой коалиции», что вызвало протестное голосование немцев. Свою роль сыграл и фактор миграции из стран Ближнего Востока. Позиции АдГ укреплялись по мере усиления миграционного кризиса в ЕС. Кризис начал разворачиваться уже в 2014 году, а к лету 2015 года Германия, как и весь ЕС, была буквально захлестнута волной иммигрантов - в миграционных потоках преобладали беженцы из Африки и арабского мира, преимущественно из Сирии. За несколько месяцев Германия приняла столько беженцев, сколько раньше принимала за весь год, и поток их не прекращался. Внутри страны позиция правительства, объявившего о готовности принимать всех, кто в нее стремится, была оценена неоднозначно. По мере усиления потока беженцев критические голоса, в том числе внутри правящих партий, становились громче.

Было бы неверно полагать, что миграционный кризис сразу изменит расклад политических сил. Основная борьба, как всегда, велась между двумя крупными «народными» партиями — социал-демократами и христианскими демократами. Однако эти партии не обладали внутрипартийным единством в самом актуальном на тот момент для избирателей вопросе миграционного кризиса. Единых позиций и четких программ по этому поводу у партий все еще не было, а электорат ждал от правительства быстрого политического решения возникшей проблемы. Внутрипартийные дискуссии по вопросам миграции в предвыборной борьбе не оглашались, поэтому ожидания населения в полной мере использовали правые силы.

В этом и была причина взлета «Альтернативы для Германии», которая стала единственной приемлемой для коренного населения. В целом программа оставляет ощущение, что партия действительно предлагает альтернативу существующему порядку. Миграционный кризис 2015 года когда Германии в короткий срок пришлось принять более миллиона беженцев, открыл для партии новые политические горизонты. Чем больше расходов упали на федеральные земли из-за прибытия новых мигрантов из Африки и Ближнего Востока, чем страшнее становилось жить немецким гражданам, тем быстрее росла и усиливала свои позиции АдГ. Мощная критика в ее адрес направила взгляды избирателей в ее сторону. «Альтернатива» нужна современной немецкой политической системе. Дальнейшая политическая жизнь АдГ зависит от ее способности к внутрипартийной дискуссии и к компромиссам, которые смогут когда-нибудь привести ее к власти, пусть сначала и на земельном уровне.

Библиографический список

1. Almost two-thirds of Germans think Islam doesn't «belong» to their country [электронный ресурс]. – URL: <https://in.reuters.com/article/germany-islam-poll-idINKCN0Y324Q>
2. Berlin // ARD Tagesschau [электронный ресурс]. – URL: <http://wahl.tagesschau.de/wahlen/2016-09-18-LT-DE-BE/index.shtml>
3. Oliphant V. German far-right party branded Nazis after saying Islam not compatible with 'basic law' – 2016 [электронный ресурс]. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/662133/German-far-right-party-Nazis-anti-Islamic-comments>.
4. Schmidt M.G. Das politische System Deutschlands / M.G. Schmidt. – München: Institutionen, Willens-bildung und Politikfelder, 2011. – 560 s.
5. Smith R. What is Alternative for Germany (AfD) and what does the anti-migrant party want? – 2016 [электронный ресурс]. – URL: <http://www.express.co.uk/news/world/707797/afd-alternative-for-germany-what-is-does-want-frauke-petry-anti-migrant>.
6. Альтернатива для Германии [электронный ресурс]. – URL: <https://www.afd.de>
7. Бусыгина И.М. Насколько зрелищна политика в Германии? [электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/bu15.html>
8. Восстающий национализм [электронный ресурс]. – URL: <https://versia.ru/chto-izmenilos-v-bundestage-posle-pobedy-na-vyborax-alternativy-dlya-germanii>
9. Кислицына И. Партии в Интернете. Коммуникативный анализ сайтов политических партий России, США, Германии / И. Кислицына. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Росиздат», 2011. – 177 с.
10. Немецкие политики предложили расстреливать нелегалов [электронный ресурс]. – URL: <https://versia.ru/nemeckie-politiki-predlozhili-rasstrelivat-nelegalov>
11. Немецкий политолог прокомментировал земельные выборы в Баварии // РИА «новости» 14 октября 2018 года [электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20181014/1530622059.html>

ПОПУЛИЗМ, КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОГО БРЕНДИНГА В ЕС

Аннотация: Автор статьи рассматривает феномен возросшей активности популистов в странах Европейского союза, выборочно анализирует поведение определенных популистских партий и движений. Особое внимание уделяется изучению новых технологий, которые используются европейскими популистами для увеличения электората. Автор рассматривает возможные факторы, послужившие толчком к активизации популизма в странах-членах ЕС.

Ключевые слова: ЕС, европейские популисты, кризис репрезентативности, популисты, «синдром раздраженного избирателя», популизм, популистские движения и партии, политический брендинг, политический маркетинг.

Abstract: The author examines the phenomenon of increased populist activity in the European Union, selectively analyzes the behavior of certain populist parties and movements. Special attention is paid to the study of new technologies that are used by European populists to increase their electorate. The author considers possible factors that gave rise to the activation of populism in the EU member-states.

Key words: EU, European populists, the crisis of representation, populists, «irritated voter syndrome», populism, populist movements and parties, political branding, political marketing.

В эпоху потребления практически все сферы человеческой жизни в той или иной мере подчиняются законам консьюмеризма. Политика не является исключением. Приверженность определенным политическим идеалам и идеям сменилась на весьма прагматичный подход к политической действительности. В целом выбор кандидата и партии на сегодняшний день сильно напоминает поход в супермаркет, где на полках с товарами вместо продуктов лежат предвыборные обещания ценой всего в один голос избирателя. Отныне избиратель ведет себя как потребитель, который набирает себе в корзину наиболее близкие и понятные блага, которые обещает ему определенная партия или политическое движение. Прилагательное «понятное» использовано в предыдущем предложении не только с описательной или уточняющей целью, это весьма важное слово, на котором зиждется и за которое держится целая, весьма популярная и успешная на сегодняшний день в Европе, политическая философия, которая в политологии известна как популизм.

Популизм (от лат. *populus* – народ) – это политика, апеллирующая к широким массам и обещающая им скорое и легкое решение острых социальных проблем [1].

На сегодняшний день в Европейском союзе можно наблюдать целый ряд партий и политических движений, политическая риторика

которых является популистской. С каждым днем популисты в Европе обеспечивают себе все более широкую электоральную поддержку, о чем свидетельствуют парламентские выборы в странах ЕС за 1998 – 2018 гг. [2]. Наиболее широкую поддержку в 2018 г. популисты получили в Польше, Чехии, Венгрии, Болгарии и Италии, за популистские партии проголосовало более 40% избирателей. Электоральная поддержка популистов составила более 30% голосов в таких странах, как Германия, Франция, Нидерланды, Австрия, Дания и других [2]

Чем же обусловлена нынешняя успешность популистских партий? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать несколько факторов, как внутренних, так и внешних.

Одним из основных внутренних факторов, который повлиял на политическую успешность популистов, является кризис репрезентативности. Репрезентативность или представительность заключается в том, насколько беспрепятственно и эффективно граждане могут влиять на ситуацию в своей стране. То есть, насколько публичная демократия развита в той или иной стране и насколько политические силы представляют интересы своего электората. На современном этапе избирателям становится понятно, что традиционные системные партии давно перестали отстаивать интересы своего электората. Подобное осознание, например, приводит к протестным акциям и созданию новых политических партий, политических движений. «Синдром разочарованного избирателя» явился своего рода толчком к созданию большого количества популистских движений.

Другим внутренним фактором является аполитичность избирателей. В большинстве своем граждане, без определенной подготовки и знаний являются дилетантами. Более того, многим гражданам политика не интересна в принципе. Однако, когда непопулярные законы, принимаемые парламентом, так же, как и затяжная экономическая рецессия, бьет по карманам народа, вынуждая экономить, избиратели приобретают желание протестовать. Популисты – те внесистемные игроки, «люди от народа», которые аккумулируют народное недовольство, посредством предложения людям простой альтернативы.

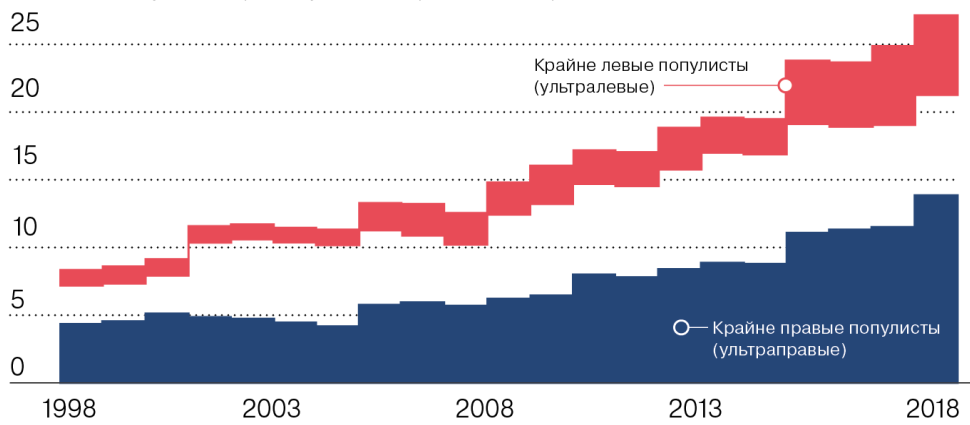
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ПОПУЛИСТОВ В ЕВРОПЕ

РОСТ ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕ*

ИСТОЧНИК: THE GUARDIAN.

*Доля голосов, полученных в Европе популистами на парламентских выборах в 1998–2018 годах.

Современные европейские популисты предлагают людям бросить «антисистемный» вызов правительству и парламенту.

Еще одним внутренним фактором является информационная перенасыщенность. Каждый человек, который так или иначе пользуется социальными сетями, вынужден поглощать большое количество информации, связанной с политикой, выборами и кандидатами. Поток информации удваивается, когда начинается очередной избирательный цикл. В данном контексте можно говорить о том, что потенциальный избиратель не может обработать огромное количество информации, которая, ко всему прочему, зачастую содержит большое количество сложной терминологии, статистики и фактов, отягощающих восприятие.

В итоге, на сегодняшний день электоральная усталость в ЕС охватывает от 20 до 60% избирателей. [3]. Это дает простор для действия популистов.

К внешним факторам относятся увеличившееся количество мигрантов в ЕС, а также общий экономический спад, от которого страдает средний класс в Европе. Таким образом, эти проблемы порождают антииммигрантские и анти-элитистские настроения, которыми пользуются правые и левые популисты соответственно. И если правый популизм воспринимается многими европейцами как нечто опасное и сложно контролируемое, то левый популизм, обещающий если не ликвидировать, то минимизировать социально-экономическую сегрегацию населения, воспринимается положительно. Такие популистские движения, как «Подemos» в Испании, «Движение 5 звезд» в Италии, «СИРИЗА» в Греции обещают тем, кто их поддерживает бороться с «диктатурой элит», противостоять падению покупательной способности среднего класса и не только. Например, «СИРИЗА» выступает против политики экономии. Говоря о том, кто поддерживает популистов левого толка, можно привести в пример электоральную основу Национального объединения, которая состоит из фермеров и работников сферы обслуживания, чье экономическое благополучие было подорвано неоднократными структурными сдвигами в экономике и проблемой увеличившегося притока иммигрантов.

Не стоит забывать и про евроскептицизм. Сама возможность Брексита активизировала многие популистские движения и партии.

Таким образом, на данный момент гражданское общество в странах ЕС становится все более ориентированным на партии и движения, которые предлагают простые и зачастую дерзкие, антисистемные решения назревших проблем. Синдром «разочарованного избирателя» вкупе с дилетантизмом и вовлечением аполитичных общественных масс в политику, позволяет популизму набирать силу и приобретать реальный политический вес. Несмотря на то, что сложившиеся обстоятельства благоприятны для популизма, это не означает, что популизм каким-то образом изменился качественно. А вот способы продвижения и подачи популистских идей изменились и с этого момента можно говорить об успешности европейского популизма с позиций политического брендинга и маркетинга.

Избиратели во многих странах ЕС разочаровались в программах традиционных партий, которые, зачастую, реализуются непонятным для электората образом. В итоге избиратели чувствуют себя обманутыми, не понимая, что решение определенной экономической или социальной проблемы не может быть достигнуто напрямую, без реформ в других сферах общественной жизни. Витиеватая

формулировка политических программ – ошибка либеральных и центристских партий. Популисты же делают упор на те вещи и проблемы, которые близки народу. Одним из таких пунктов является качество жизни. Ярким примером политической программы, в основе которой лежит достижения желаемого уровня жизни, является политическая программы итальянского движения «5 звезд». Само название политического движения произошло от слов его лидера Бeppe Гpиллo, который сравнил качество жизни итальянцев с качеством сервиса в гостиницах: «Мы можем иметь пятизвездочную жизнь» [4]. Показательно, что это движение смогло привлечь и инкорпорировать в свою структуру примерно одинаковое количество граждан, как на севере Италии, так и на юге. Поднимая злободневные проблемы бытового характера, а не национально - политические антагонизмы, «движение 5 звезд» смогло сформировать свой электорат во всех социальных слоях населения.

В то время как политики старой закалки работают со своими избирателями во время встреч и митингов в конкретном регионе страны, современные европейские популисты используют Интернет для работы со своим электоратом. Если традиционные партии имеют юридический адрес, то популистские партии и движения представлены в основном в Интернете, URL-адрес является единственным адресом. Сайты популистских партий и движений построены таким образом, чтобы обеспечивать прямую демократию участия и личное участие каждого избирателя в обсуждении программы и предложений. Подобные сайты собирают мнение электората и корректируют предвыборную программу, в результате чего, избиратель может увидеть результат своего личного участия в обсуждении. Это очень стимулирует электорат и расширяет его. В данном контексте политологи зачастую говорят о публичной демократии.

Популисты используют социальные сети для распространения информации о политическом движении или партии и агитации, вовлечения новых граждан в дискуссию. Основными инструментами в этом контексте являются такие социальные сети, как Twitter и Facebook. Хештеги, используемые в данных сервисах, взяты на вооружение такими популистскими партиями как «Подemos» и «Вперед». Хештег позволяет людям идентифицировать свою политическую принадлежность, тем самым обозначая себя частью определенной группы. «Подemos» использовал подобную технологию и это привело к быстрому увеличению электората. На рисунке 3 и 4 представлены хештеги популистских партий, «Движения 5 звезд» и «En Marche!» соответственно.

#RévolutionEnMarche

Paris, le 10 décembre 2016

Яркие, вызывающие, призывающие к действию знаки популистских партий являются прямым результатом политического брендинга. Политтехнологи популистов стремятся бросить вызов современному устройству государственной власти и механизму принятия законов и нормативно-правовых актов. Сами названия популистских движений и партий противопоставляют себя действиям и решениям политических элит. Показательным примером этого является право-популистская партия «Альтернатива для Германии», которая в прошлом году получила 12% голосов и смогла закрепиться в Бундестаге. Из названия партии становится понятно, что у Германии есть выбор, который должны делать избиратели, а не политики. Партия возникла в результате обособления группы политиков внутри ХДС. Данная группа выступила против политики правительства в области валютного союза ЕС и бедности, которая провоцируется процессами валютной интеграции. Балансируя на грани между популизмом и реальными политически достижимыми целями, партия смогла завоевать места в Бундестаге.

В частности, «Альтернатива для Германии» не выступает против Европейского союза и не настаивает на немедленной отмене евро и переходе на немецкие марки. В целом недовольство партии направлено против других стран-членов ЕС, которые, в силу экономической несостоятельности, вынуждены требовать

экономической поддержки со стороны Германии, как одной из сильнейших экономик ЕС. Это, естественно, не устраивает жителей самой Германии, так как это сказывается и на их уровне жизни. «Альтернатива для Германии» умело фокусирует внимание избирателей на себе, как при помощи «антисистемного вызова», так и при помощи рациональных предложений. Построив свою риторику таким образом, «Альтернатива для Германии» смогла привлечь как мало осведомленных и аполитичных избирателей, так и людей сведущих в политике. Говоря о политическом брендинге, имидж партии формировался при помощи привлечения экономистов, юристов, предпринимателей и журналистов в ряды партийного руководства. Избиратели видели во главе партии профессионалов и доверие их росло. Этот достаточно выверенный шаг увеличил политический вес партии[5].

Отдельно стоит поговорить о еще одном мощном оружии в руках европейских популистов – сетевом маркетинге. Сетевой маркетинг в политике выполняет практически те же функции, что и в более традиционной для него сфере товаров и услуг. Сетевой маркетинг стал использоваться популистами не так давно. Параллельно тенденции использовать сетевой маркетинг во время предвыборной компании, существует тенденция использовать технологии Big data. Big data так же, как и сетевой маркетинг переключалась из экономики. Интересный факт: технологии Big data используются преимущественно в штабах традиционных партий, таких как ХДС и СДПГ, в то время как сетевой маркетинг используется популистами. В чем же недостаток технологии Big data? Дело в том, что данная технология используется политиками для отслеживания тенденций, основных потребностей и факторов, которые вызывают раздражение среди избирателей. Однако подстроить свою политическую программу под разные социальные группы (традиционным партиям) невозможно. Популисты используют сетевой маркетинг для того, чтобы управлять настроениями масс, в соответствии с политической обстановкой. Этому способствует гибкость и разнонаправленность политических программ популистов.

Говоря о политическом брендинге популистов, не стоит, разумеется, упускать брендовую продукцию, которая выпускается популистскими партиями и движениями. Сама идея выпуска различных предметов с символикой определенной политической партии не нова. Все партии в той или иной мере занимаются продвижением своей символики для привлечения электората. Символика – это простой способ политической идентификации, показатель приверженности к идеям определенного политического движения или партии. Популисты используют брендированную продукцию для продвижения партии. В

большинстве случаев продукция производится самой партией или на уровне местных ячеек. Для приобретения продукции очень часто достаточно просто зайти на сайт политической партии. Например, «Подемос» имеет свой интернет-магазин сувенирной продукции[6]. Это важный элемент популистской стратегии, так как для привлечения людей, не заинтересованных в политике, требуется что-то яркое, практичное и запоминающееся. Очень часто процесс вовлечения в движение происходит через брендированную продукцию: блокнот, карандаш, веер (в случае «Подемос»), футболка и так далее. Использование определенной символики, которая понятна и привлекательна, позволяет расположить к себе избирателя на очень раннем этапе, создать стимул и интерес разузнать про изготовителя и бренд. Местные ячейки формируются и самоуправляются как раз-таки при помощи общей символики и единого бренда, в котором заключен основной, объединяющий посыл.

Стоит отдельно упомянуть роль лидера в современных популистских политических движениях и партиях. Лидер является неотъемлемым элементом символики популистов. Вокруг лидера вращается вся деятельность движения и он в своем лице объединяет все ценности и взгляды, передает настроение своего электората. Представляет его интересы. Ключевое отличие популистского лидера от любого другого политического деятеля заключается в том, что у популистов получается убедить людей, что лидер представляет их интересы, а не лоббирует интересы компаний или других политических сил. Лидер популистов – это нарочито простой гражданин, которого раздражает сложившаяся ситуация в стране, его раздражает бездействие власти, и он знает, что конкретно нужно сделать для того, чтобы народ его страны начал жить лучше. Качество жизни, как уже было сказано ранее, – основа политической риторики любого популистского политического деятеля. А для того, чтобы эффективно убедить своих потенциальных избирателей и удержать тех, кто уже сделал выбор, лидеру необходимо «работать в поле». По сути, подобный человек превращается в медийную личность, которая своей деятельностью стремится привлечь как можно больше внимания, как со стороны общества, так и со стороны СМИ. Лидеры популистов используют простые слова в своей речи, они изъясняются максимально просто и эмоционально. В основе человеческого поведения лежат эмоции, а значит выступление лидера должно принести людям как можно больше впечатлений, остаться в памяти ярким шоу, чтобы сподвигнуть электорат поддерживать эту партию. Харизматичность, резкие выпады против правящих политических сил, слом стереотипов, которые касаются поведения политического лидера – все это

заставляет популистских лидеров выделяться, приобретать славу народных героев. Ярким примером является Марин Ле Пен, лидер партии «Национальное объединение» в своих выступлениях демонстрирует все вышеописанные черты популистского лидера. Таким образом, во время предвыборной кампании во Франции в 2017 году Марин Ле Пен объявила, что «Национальное объединение» будет вести борьбу с Евросоюзом, ослаблять его изнутри. Разыгрывая карту евроскептицизма, Марин Ле Пен смогла привлечь на свою сторону около трети французского электората[7].

Популизм в ЕС продолжает завоевывать сердца и умы избирателей. Кризис репрезентативности, разочарованность избирателей, дилетантизм и общее ощущение собственной незначимости – вот неполный список факторов, породивших плодородную почву для усиления популизма в ЕС. Тем не менее, европейские популисты смогли достигнуть подобных результатов не только благодаря удачно сложившимся факторам, которые воплотились в определенные общественные настроения, но и благодаря новым стратегиям и технологиям, которые ранее популисты не использовали. Политический брендинг и маркетинг, а также переосмысление способов использования социальных сетей и информационных ресурсов, организация интерактивных дискуссионных площадок сыграли большую роль в увеличении электоральной поддержки популистских сил. Вовлечение аполитичных групп в политику путем упрощения политической риторики позволило популистам говорить на одном и том же языке с народом. Однако, несмотря на все успехи популистов в ЕС, их политическое присутствие все еще невелико. Это связано с общим недоверием по отношению к правому популизму и неготовностью избирателей до конца поверить в утопические цели левого популизма.

Библиографический список

1. The Guardian [электронный ресурс] – URL: <https://www.theguardian.com/us> (Дата обращения: 23.10.2019)
2. Беппе Грилло: мы, в отличие от других, не лжем /ТАСС// [Электронный ресурс] - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2699750> (Дата обращения 18.10.2019)
3. Alternative fur Deutschland [электронный ресурс] – URL: <https://www.afd.de/> (Дата обращения 04.11.2019)
4. Podemos [официальный сайт] – URL: <https://podemos.info/> (Дата обращения: 19.11.2019)
5. Conseil Constitutionnel [электронный ресурс] – URL: <https://presidentielle2017.conseil-constitutionnel.fr/les-parrainages/parrainages-par-candidat/> (Дата обращения: 20.11.2019)
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М., 1997. — 944 с.
7. Г. С. Кузнецов, Е. Н. Соколова. Современный технологический популизм. – апрель, 2017 г. // ЭИСИ. – 2017 г. – 84 с. С. 1-84.

ВЕНГЕРСКИЙ РАДИКАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В XXI веке Венгрия переживает очередной подъем националистических настроений, особенно выраженных в радикальных формах. Во многом это связано с кризисной политической и экономической ситуацией внутри Европейского Союза, а венгерский радикальный национализм, который будет проанализирован в данной статье, грозит обострить и без того напряженные отношения между Будапештом и Брюсселем.

Ключевые слова: Венгрия, радикальный национализм, неофашизм, Виктор Орбан, Фидес

In the 21st century, Hungary is experiencing another rise in nationalist sentiments, especially in radical forms. This is largely due to the crisis political and economic situation within the European Union, and the Hungarian radical nationalism, which will be analyzed in this article, threatens to exacerbate the already intense relations between Budapest and Brussels.

Key words: Hungary, radical nationalism, neo-fascism, Victor Orban, Fidesz

Формулировка проблемы. В 10-е годы XXI века правые и ультраправые идеологии (радикальный национализм и неофашизм) значительно укрепили свои позиции в странах Европейского Союза на фоне миграционного кризиса. Особенно сильно данная тенденция наблюдается в Венгрии, находящейся под властью авторитарного премьер-министра Виктора Орбана и возглавляемой им националистической партии Фидес. Рост популярности ультраправых радикальных идеологий среди национализма влияют на отношения Будапешта и Брюсселя и на общеевропейскую безопасность в целом.

Цель исследования. Актуальный на сегодняшний день рост популярности идей национализма, выраженного в радикальных формах, среди венгерского населения - это ни что иное как реакция на политические и экономические процессы внутри Европейского Союза. Поэтому целью работы является анализ националистических настроений в Венгрии и политического режима Виктора Орбана, а также их влияния на дестабилизацию ситуации в ЕС.

Актуальность проблемы. В условиях миграционного кризиса в Европе и вспышке коронавирусной инфекции радикальные венгерские националисты готовы на многое, чтобы обезопасить свою страну от орд мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока, вплоть до применения физического насилия. И венгерские радикалы не одиноки: их пока что малочисленные

коллеги из Германии, Словакии, Польши, Эстонии, Греции, Болгарии и других европейских стран солидарны в очищении европейского континента от беженцев-мусульман и даже этнических меньшинств (евреи, цыгане).

Национализм, начиная с XIX века стал неотъемлемой частью венгерской политики и не был искоренен даже во время существования просоветской ВНР. А после бархатной революции 1989 года национализм вышел из подполья и вновь занял весомое положение в венгерской политике. Памятники марксистам были заменены памятниками Миклоша Хорти, а на политическую арену впервые вышел еще мало кому известный Виктор Орбан, один из основателей партии Фидес. Возвышению Виктора Орбана немало способствовал уроженец Венгрии, еврей Джордж Сорос, финансировавший его деятельность. Но Сорос, бывший противником как коммунизма, так и национализма, ошибся в нем, поскольку никак не ожидал поворота Орбана к правым идеям [5].

Виктор Орбан непрерывно находится у власти с 2010 года, и за это время он вместе с соратниками из Фидес во многом преуспели. Правящие националисты сами прокладывают путь к популяризации радикального национализма, ставя памятники Миклошу Хорти и монументы, преуменьшающие роль венгерского государства за холокост 440 000 евреев. А нашествие орд мигрантов из арабских стран является идеальной почвой для роста популярности правых идей, поскольку они поддерживаются самой властью [5].

Когда Венгрия в 2015 году отказалась принимать мигрантов и предоставила пограничникам и полицейским исключительные права, направленные на недопущение беженцев в страну, то это привело к заметному охлаждению отношений с ЕС. Руководствуясь лозунгом «Венгрия для венгров», Орбан защищает коренное венгерское население и не допустит произвола мигрантов по отношению к своему народу, как это случается в Германии или Швеции. У венгерских радикальных националистов уже есть готовое для реализации решение данной проблемы: «В Дунай!». А после того, как Орбан отклонил миграционный пакет ООН, министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто заявил, что Венгрия должен гордиться, что сказала «нет» всему ЕС. И 95% венгров поддерживают применяемые правительством Орбана антимиграционные меры [4].

Проводимая венгерским правительством политика исторической памяти также способствует укреплению позиций венгерских радикальных националистов. 4 июня – это день национальной трагедии венгерского народа, когда страны Антанты заставили Венгрию подписать нечестивый и позорный Трианонский договор, превосходивший по своему унижению даже подписанный Германией Версальский договор. Этот день стал государственным днем позора в 2010 году, спустя лишь несколько дней после победы Фидес на выборах [4]. С нового учебного года, который начнется 1 сентября 2020 года, в венгерскую школьную программу войдут произведения известного венгерского националиста и драматурга Ференца Херцгеа. Целью является правильное воспитание национальной гордости среди венгерской молодежи, а особый упор сделан на изучение личности и деятельности Миклоша Хорти [2].

Сегодня правительство Орбана сотрудничает с венгерскими этническими меньшинствами, проживающими в Румынии, Словакии, Сербии, Украине [4]. Но венгерские радикалы жаждут возвращения именно Карпатской Руси в состав Венгрии и наказания для украинских неонацистов за издевательское отношение к карпатским венграм. Но после воссоединения Крыма с Россией, Виктор Орбан был обвинен в попытках повторения крымского сценария и пророссийской политике, а отношения Будапешта и Киева обострились, и дело могло дойти до маловероятной операции венгерской армии в Карпатах [11]. В 2018 году даже дошло до небольших беспорядков в Берегово, когда было повреждено несколько автомобилей с венгерскими номерами. Но если беспорядки и ущемление этнических венгров продолжатся, Виктор Орбан может повторить крымский сценарий в Закарпатье. В таком случае, жертв среди украинских неонацистов со стороны венгерских радикалов и неофашистов не избежать [3].

Поскольку венгерская власть благосклонно относится к созданиям радикальных националистических организаций, то в 2019 году внепарламентская партия «Наша страна» создала Национальный легион, приуроченная к столетию Национальной армии, которая под руководством Миклоша Хорти очистила страну от коммунистов. Ласло Тороскай, сторонник правых идей, оказался прав, когда заявил, что «факторы, которые привели к созданию венгерской гвардии, не были устранены, а умножились», а сама Венгрия, как и в 1919 году, движется в пропасть. Одним из этих факторов стало засилье цыганских

кланов в городе Тёрёксентмиклош (на востоке Венгрии), которые держат в стране местное население, а некоторые даже заявляют о независимой цыганской провинции. Данный вопрос националисты предпочли бы решить радикально и окрасить Дунай в кровавый цвет, пока что они ограничиваются акциями протеста [9].

Все большее число венгерской молодежи присоединяется к ультраправым и неофашистским движениям для борьбы за свой образ жизни, который находится под угрозой. Наиболее рьяные участники движения «Сила и решимость», верящие в оправданное насилие на расовой почве, в 2015 году даже помогали пограничникам сдерживать мигрантов. В этих организациях сильны идеи расового превосходства венгров над цыганами и евреями, а чтобы вступить, например, в «Армию дорожников» нужно быть белым венгром. Члены ультраправых группировок де-факто ведут оборонительную войну, которая была развязана против белой расы, но когда они заходят слишком далеко, то могут попасть в венгерскую тюрьму (некоторые члены «Армии дорожников» были осуждены за запугивание цыган). А ведь молодежь всего-то хочет быть полезным для своей страны, защитить ее в это трудное время. Она хочет равняться на Виктора Орбана, Миклоша Хорти, Лайоша Кошута, Шандора Петефи – героев Венгрии, борцов за величие страны [6].

Виктор Орбан видит себя защитником христианской Европы перед лицом мусульманской угрозы. Он задает вопрос: должна ли Европа защищать свою, христианскую, культуру или все-таки следует уступить мультикультурализму? «Мы, венгры, прожили тысячу лет здесь, в Карпатском бассейне (...), и мы хотим остаться здесь, по крайней мере, тысячу лет, чтобы сохранить наши границы, - сказал Виктор Орбан, - мы хотим, чтобы следующие поколения, наши дети, внуки, будут иметь право решать свою жизнь так же, как мы». Орбан понимает, что мигранты впоследствии будут усиливать сначала свое присутствие в общеевропейской экономике, а затем – и политическое, что неминуемо вызовет раздражительную реакцию радикальных националистов, которые уже сейчас готовы действовать решительно [4].

Венгерские националисты борются не только с проникновением мигрантов в свою страну и в Европу, но и дают решительный отпор европейским глобалистам из Брюсселя [4]. Джордж Сорос, который в 80-е годы XX века спонсировал деятельность Орбана, оказался сегодня идейным врагом

венгерского премьер-министра. Виктор Орбан считает, что Сорос, находясь в сговоре с Брюсселем, заинтересован в открытых границах всех стран-участниц ЕС и беспорядочном въезде мигрантов в Европу, чтобы усилить глобализационные процессы в мире. Во время опроса венгерского населения, проведенного в 2017 году, правительство заявило, что целью плана Сороса - уменьшить значение языка и культуры европейских стран, чтобы ускорить интеграцию нелегальных иммигрантов. А за этим последует исчезновение коренных европейских языков, что, естественно, не отвечает интересам венгерских ультраправых и неонацистов, решительно стоящих на страже венгерской идентичности [5].

«Имя Сороса означает все либеральное, а также отвратительное, антипатриотичное, беспрецедентное и неприемлемое», - считает сторонница Орбана Мария Шмидт. В результате в 2017 году основанный Соросом Центрально-Европейский университет оказался на грани закрытия, а самому университету пришлось бы переехать в Берлин или Вену [4].

«Мы отправили восвояси султана Османской империи с его армией, габсбургского кайзера с его захватчиками и Советы с их товарищами, теперь отправим домой и дядю Джорджа!» - уверенно заявил Виктор Орбан в своей речи в Будапеште в 2017 году. И он знал, о чем говорил: венграм удалось сохранить независимость и национальную идентичность в годы османской оккупации, австрийского вассалитета и советского влияния. Если венгерская нация выстояла в эти тяжелые для страны времена, то она сможет выйти победителем и в противостоянии с Брюсселем и Соросом [4].

Брюссель не может спокойно наблюдать за ростом популярности идей популизма, радикального национализма и неонацизма в Венгрии. Кроме того, у него не получается обуздать Виктора Орбана и заставить его выполнять требования, предъявляемые членством страны в ЕС [4]. Противники Орбана припоминают ему усиление контроля над СМИ и его использование в пропаганде радикального национализма и шовинизма среди молодежи по отношению к цыганам и евреям. Кроме того, крупные кризисы, поразившие Европу, Орбан использует для усиления своей власти [8]. Недавняя вспышка коронавирусной инфекции в мире привела к тому, что парламент Венгрии одобрил расширение полномочий правительства Виктора Орбана на неопределенный срок для борьбы с пандемией. Поскольку националистические настроения внутри страны

отражаются на постоянном усилении авторитарного режима Виктора Орбана, то бывший премьер-министр Маттео Ренци незамедлительно осудил решение венгерского парламента и потребовал от Брюсселя исключения страны из ЕС [10].

Стоит добавить, что противостояние по оси Будапешт-Брюссель может зайти настолько далеко, что Венгрия проведет референдум о выходе из ЕС. В декабре 2019 года, в результате очередных ограничений со стороны Брюсселя, вероятность выхода Венгрии из ЕС достигла своего пика, а сам выход был «запланирован» на конец 2020 года [1]. С одной стороны, если страна покинет ЕС, то экономику страны ожидает стагнация из-за окончательного прекращения дотаций Брюсселя, резкого сокращения иностранных инвестиций и возможных санкций. Но с другой стороны, это будет политический триумф радикальных националистов и Виктора Орбана, поскольку это создаст еще один прецедент для выхода уже других стран из стремительно стагнирующего ЕС.

Выводы. Радикальный национализм в Венгрии продолжает набирать свою силу, рост его популярности – это реакция на происходящие в регионе политические изменения. Миграционный кризис, вспышка коронавирусной инфекции, конфронтация с Брюсселем будут только подпитывать националистические настроения среди венгров и способствовать дальнейшему усилению власти Виктора Орбана. Но несмотря на свою приверженность к правым идеям и обвинения в фашизме Орбан держит радикалов и неонацистов под контролем и не позволяет им творить правосудие над евреями и цыганами на улицах венгерских городов, окрасив их кровью Дунай или озеро Балатон. В современных условиях, в которых сейчас находится Венгрия, авторитаризм Орбана является единственным верным решением, позволяющее ему сохранить порядок в стране и не ввергнуть ее в хаос, устроенный мигрантами в Германии или Швеции.

Библиографический список

1. OP 2020: Hungary leaves the EU [Электронный ресурс] – URL: <https://www.home.saxo/content/articles/outrageous-predictions/op-2020-hungary-leaves-the-eu-03122019> (дата обращения: 12 апреля 2020)
2. BBC [Электронный ресурс] – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51628129> (дата обращения: 12 апреля 2020)
3. Aqparat [Электронный ресурс] – URL: https://aqparat.info/news/2018/03/20/8780872-vengriya_osudila_ukrainu_za_vosstanovlen.html (дата обращения: 12 апреля 2020)
4. Elibrary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38215972> (дата обращения: 12 апреля 2020)
5. VICTOR ORBAN'S FAR-ROGHT VISION FOR EUROPE [Электронный ресурс] – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/01/14/viktor-orbans-far-right-vision-for-europe> (дата обращения: 12 апреля 2020)
6. Prejudice and Pride in Hungary: Inside the Far Right [Электронный ресурс] – URL: <https://www.aljazeera.com/programmes/radicalised-youth/2018/10/prejudice-pride-hungary-181029060026570.html> (дата обращения: 12 апреля 2020)
7. How Hungary Became a Haven for the Alt-Right [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/05/how-hungary-became-a-haven-for-the-alt-right/527178/> (дата обращения: 12 апреля 2020)
8. “Do you agree?” Orban’s dangerous waltz with the radical right [Электронный ресурс] – URL: <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/do-you-agree-orb-n-s-dangerous-waltz-with-radical-right/> (дата обращения: 12 апреля 2020)
9. Radical nationalists set up paramilitary arm in Hungary [Электронный ресурс] – URL: <https://dailynewshungary.com/radical-nationalists-set-up-paramilitary-arm-in-hungary/> (дата обращения: 12 апреля 2020)
10. Meduza [Электронный ресурс] – URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/01/rozhdenie-diktatury> (дата обращения: 12 апреля 2020)
11. A New Political Movement Emerges on Hungary’s Far Right [Электронный ресурс] – URL: <https://www.fpri.org/article/2018/07/a-new-political-movement-emerges-on-hungarys-far-right/> (дата обращения: 12 апреля 2020)

ГРУЗИНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ: ПРОФИЛЬ СООБЩЕСТВА

The author of the article analyses various cultural tactics, practices and strategies, Georgian intellectuals used for the invention of traditions and the (re)production of meanings. The author presumes that various cultural practices and social strategies of Georgian intellectuals became the main incentives for the transformation of traditional local groups into the Georgian modern nation. The history of the 20th century inspired the fragmentation of Georgian intelligentsia. The disintegration of the USSR, the restoration of state sovereignty and the political independence of Georgia became powerful stimuli for the radical and deep fragmentation of the thinking class into intelligentsia and intellectuals. The author states that intelligentsia and intellectuals coexist in modern Georgia simultaneously, but this social and cultural cohabitation is temporary because the intelligentsia became an endangered social and cultural category. Georgian intellectuals are the genetic heirs of the old intelligentsia. The permanent voluntary and forced participation in the imagination of the nation and the invention of traditions as the formation and promotion of new myths brings together intelligentsia and intellectuals. The historical and political history and dynamics of the 20th century turned Georgian intellectuals into cultural hostages of modernization and the processes of constant (re)production of the identities and meanings, including the nation, space, freedom, independence etc.

Keywords: Georgia, intelligentsia, intellectual communities, intellectuals, modern, nation, nationalism, myths, intellectual history

Автор статьи анализирует различные культурные тактики, практики и стратегии, грузинские интеллектуалы используют для изобретения традиций и (вос)производства смыслов. Автор полагает, что различные культурные практики и социальные стратегии грузинских интеллектуалов стали основными стимулами для трансформации традиционных локальных групп в грузинскую современную нацию. История 20 века содействовала фрагментации грузинской интеллигенции, распад СССР, восстановление государственного суверенитета и политический независимости Грузии стали мощнейшими стимулами для радикальной и глубокой фрагментации думающего класса на интеллигенцию и интеллектуалов. Автор полагает что интеллигенция и интеллектуалы сосуществуют в современной Грузии одновременно, но это социальное и культурное сожительство является временным, потому что интеллигенция стала вымирающей социальной и культурной категорией. грузинские интеллектуалы являются генетическими наследниками старой интеллигенции. Постоянное добровольное и вынужденное участие в воображении нации и изобретение традиций как формировании и продвижении новых мифов роднит представителей интеллигенции и интеллектуалов. Историческая и политическая история и динамика 20 века превратила грузинских интеллектуалов в культурных заложников модернизации и процессов постоянного воспроизводства идентичностей и смыслов нации, пространства, свободы, независимости и т.д.

Ключевые слова: Грузия, интеллигенция, интеллектуальные сообщества, интеллектуалы, модерн, нация, национализм, мифы, интеллектуальная история

Грузинские интеллектуалы как сообщество. Современные нации являются основными политическими акторами мира, но их история крайне коротка. Первые нации в современном гражданском понимании появились в Европе после исторического триумфа капитализма, а буржуазные революции стали основными стимулами для политизации династических государств и их трансформации в нации-государства. Крестьянские сообщества и городские группы населения, которые имели традиционные идентичности, были вынуждены менять свои идентичности, становясь политическими нациями. Эти процессы имели универсальный всеевропейский характер, но скорости и темпы

социальных, политических и культурных трансформаций в Большой Европе от Португалии до Грузии были неравномерны и различны. Европейские периферии, позже чем государства исторического, политического и экономического ядра Европы, вступили на путь политических трансформаций, отбросили оковы традиционности и стали политическими нациями. Процессы трансформаций традиционных групп в нации были крайне различны, но формы этих социальных и культурных перемен фактически были универсальны.

Институты идентичности и производство смыслов стали двумя факторами которые повсеместно в Европе питали национализмы, вдохновляли националистов и стимулировали трансформации традиционных сообществ в нации и заставляли династические государства меняться и становятся государствами-нациями. Интеллектуалы всегда и везде играли особые или ведущие роли в истории национализмов и политических партий, которые были достаточно решительны и амбициозны, чтобы изменить статус физически географической территории на более престижный статус культурного, политического или экономического региона или государства. Эти новые государства принадлежат к числу динамично меняющихся, трансформирующихся и национализирующихся обществ несмотря на то, что они могли иметь развитые политические и государственные традиции в прошлом. Такие государства, которые ранее были частями многонациональных империй или многосоставных недемократических государств стремятся трансформировать этнические нации в политические, модернизировав формальные государства в государства-нации. Роль интеллектуальных групп и сообществ в этих обществах становится очевидной и ее невозможно и бессмысленно игнорировать. Грузия принадлежит к числу тех постсоветских и поставторитарных государств, где интеллектуалы играют значительную роль в функционировании современного политического режима и его легитимации.

Анализ институтов идентичности как фабрик изобретения традиций и генерации смыслов поэтому представляется крайне перспективным направлением в современной историографии, сфокусированной на изучении истории Грузии. Изучение традиционных институционализированных форм генерирования идентичностей и национальных смыслов, включая академические институты, также представляет немалый интерес. Интеллектуалы являются важными участниками политического процесса, но их роль и историческое значение пребывают в тени других более актуальных сюжетов современной грузинской политической истории. Институты идентичности и производство смыслов стимулировали политические,

социальные, культурные и интеллектуальные изменения и трансформации. Интеллектуалы которые воображали и изобретали идентичности стремились сделать это потому, что они хотели актуализировать особенности сообщества, к которому они принадлежали, и доказать, что они радикально отличаются от других.

Один из грузинских интеллектуалов периода первой республики пытался зафиксировать этот компонент в национальной идентичности и утверждал, что «наш острый субъективизм неведом русским. древние славяне, как историки утверждают, отрубали головы своим одержавшим победы военачальникам: они не могли принять индивидуальности, возвышающейся над средним уровнем. Склонность к однообразию и монотонности стала характерной чертой русских... Мы никогда не примиримся с этим своеобразным эгалитаризмом и централизмом... наши соседи не приемлют нашего субъективизма. Поэтому духовно мы всегда останемся чужды друг другу»⁴⁶. Европейские национализмы генерировали свои институты для воспроизводства идентичности, и интеллектуалы наделяли их смыслами, которые легитимизировали нации и национальные государства, о которых они мечтали и к которым они стремились.

Институты идентичности были крайне разнообразны. Интеллектуальные, культурные и социальные практики националистов стали попытками изобрести, вообразить и произвести смыслы, которые легитимизировали национализмы и делали существование наций законными. Средняя школа, университеты, государственные и частные СМИ, политические партии, фольклорные организации, хоры, ансамбли, этнографические общества, культурные сообщества и ассоциации стали теми социальными и политическими институтами которые воображали, изобретали и воспроизводили идентичность с национальным или динамично национализирующимся государством. Интеллектуалы вовлеченные в деятельность этих институтов формировали, воображали, изобретали и конструировали идентичность нации различно.

Грузинский национализм и грузинская нация⁴⁷ не стали исключениями из этой универсальной логики развития национализма, воображения и изобретения наций как «воображаемых сообществ» и «изобретенных традиций». Модерная грузинская нация стала политической и гражданской нацией позднее, чем другие европейские

⁴⁶ კიკოძე გ. ეროვნული ენერგია. თბილისი, 1919. 161 – 162 გვ.

⁴⁷ ქართველი ერის დაბადება: ილია ჭავჭავაძისადმი მიძღვნილი კონფერენციის მასალები (26-27 ნოემბერი, 2007) / რედ. გ. ზუღანია. თბილისი: ი. ჭავჭავაძის სახელმწ. უნ-ტის გამ-ბა, 2009. 158 გვ.; იდენტობა და ნაციონალიზმი / რედ. თ. ქარელი. თბილისი: ახალი აზრი, 2009. 120 გვ.; ქართული და ევროპული იდენტობის საკითხები: კრებული / რედ. ქ. კაკიტელაშვილი. თბილისი, 2012. 72 გვ.

нации, хотя роль культуры и интеллектуалов⁴⁸ как в возникновении, так и прогрессе национализма на современном этапе не вызывает сомнения. Советский политический эксперимент стал мощнейшим стимулом для трансформации традиционных сообществ в нацию с политическими и государственными атрибутами. Советская принудительная модернизация радикально и решительно трансформировала традиционные и архаичные сообщества, вынудила их меняться и стать политической грузинской нацией. Советская модернизация обеспечила грузинскую необходимыми институтами идентичности, включая среднюю школу, университеты, государственные СМИ, фольклорные организации, хоры, ансамбли, этнографические общества, культурные сообщества и ассоциации. Политические партии и независимые СМИ возникли в пост-советский период. Национальная история и литература, которые также являются институтами идентичности, возникли в досоветскую эру, но грузинские интеллектуалы переписывали и воображали их несколько раз в 20 веке, и эти институты идентичности оказались менее стабильными, но более зависимыми от политической и идеологической конъюнктуры. Грузинские интеллектуалы, вовлеченные в деятельность этих институтов воображения и изобретения нации, обеспечивали грузинскую нацию символическими и реальными политическими и культурными смыслами, которые были для нее необходимы, чтобы легитимизировать факт своего исторического существования.

Различные интеллектуальные группы, которые стали почвой для формирования и прогресса национальной интеллигенции, возникли в этом регионе в 19 веке. Грузинская интеллигенция 19 века была питательной средой для возникновения и дальнейшего роста и развития грузинского национализма и идей политической и государственной независимости Грузии. История грузинской интеллигенции в 19 веке имела несколько особенностей, которые значительно отличают социальные и культурные процессы в Грузии от других европейских стран, включая государства географической периферии. Если в других странах Европы интеллектуальные сообщества исторически возникали в чреве национальной буржуазии, то в Грузии дворянство и традиционная политическая аристократия стали теми социальными группами, которые сформировали ядро национальной интеллигенции.

К началу 20 века грузинская интеллигенция была лидирующей группой которая определяла основные траектории и векторы развития национализма. Период Грузинской Демократической Республики стал

⁴⁸ შათირიშვილი ზ. ქართული ლექსი ნაციონალიზმის ხანაში: 1859 – 1916 წწ. // სემიოტიკა. 2010. აგვისტო 24. [URL: https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/24/ზაზა-შათირიშვილი-ქართულ/](https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/24/ზაზა-შათირიშვილი-ქართულ/)

непродолжительной эпохой подъема и краткого рассвета национальной интеллигенции, но советизация Грузии и ее трансформация в Грузинскую ССР, как часть советского политического пространства, существенно изменили общие тенденции развития грузинской интеллигенции. Грузинская интеллигенция стала жертвой советизации, но грузинские интеллектуалы получили значительные преференции и преимущества после того, как они приняли официальные правила политического и культурного поведения. Грузинская интеллигенция была вынуждена проявлять лояльность коммунистическому режиму, но грузинские интеллектуалы, утратив свободу, получили социальные преимущества и преференции. Коммунистический режим наделил интеллигенцию монопольными правами формирования гуманитарного знания. Поэтому грузинские интеллектуалы не имели конкурентов, когда они писали, воображали и изобретали большие и синтетические официальные версии политической истории Грузии и истории грузинского языка и литературы, воображенных как два фундаментальных основания национальной идентичности.

Советский режим, несмотря на его авторитаризм и стремление московских элит русифицировать национальные республики, позволил грузинским интеллектуалам трансформировать и модернизировать картвельские группы в грузинскую политическую нацию как изобретенную традицию. Грузинские интеллектуалы к концу 1980-х годов достигли значительных успехов в изобретении и воображении грузинской нации в ее политическом и этническом измерениях. Институционализация нации и национализма как социального и культурного классов стали важнейшими достижениями грузинских интеллектуальных сообществ. Грузинская интеллигенция смогла вообразить нацию как политический класс, обеспечив ее необходимыми политическими, культурными и социальными добродетелями.

Интеллектуальное сообщество в Грузинской ССР стало ареной противостояния и борьбы между двумя наиболее значительными и влиятельными политическими доктринами идеологиями 20 века. Принципы класса противостояли ценностям нации, и Грузия была одной из многочисленных арен этой борьбы. Национализм оказался более адаптивной политической силой и идеологией. Национализм стал той сферой, где коммунистическая идея потерпела поражение в конкуренции с неизбежной привлекательностью и очарованием национального языка, исторических мифов и верой в то, что нация более естественна, нормальна и неизбежна, чем идеологические и политические проекты коммунизма. Если русские националисты в СССР оказались политическими маргиналами и неудачниками, которые

не смогли противостоять универсальным соблазнам коммунистической идеологии потому, что ценности класса победили принципы нации, то грузинские националисты были более успешными потому, что они смогли превратить национальные ценности в основополагающие принципы политической жизни в советизированной Грузии.

Грузинская интеллигенция стала влиятельной и стабильной группой к моменту, когда Советский Союз стал жертвой внутреннего кризиса, запустившего механизм распада. Грузинская интеллигенция в независимой Грузии стал свободной, но утратила свое внутреннее единство потому, что интеллигенция трансформировалась в несколько различных интеллектуальных сообществ. Процессы политической демократизации и экономической либерализации вынудили грузинских интеллигентов стать публичными интеллектуалами потому, что закрытая модель советской интеллигенции оказалась неэффективной в независимой Грузии.

Процессы транзита от авторитаризма к демократии одновременно актуализировали три функции интеллектуалов, которые были абсолютно чужды советской грузинской интеллигенции. Эти функции включают публичную роль, ответственность интеллектуалов и предательство интеллектуалов. Российский критик Сергей Васильев⁴⁹ полагает что современность радикально изменила социальные и культурные роли, функции и предназначения интеллектуалов потому, что ипостась интеллектуала как эксперта вытеснила и маргинализировала функции интеллектуала как пророка в новом для него обществе потребления. Демократизация и либерализация превратила бывших советских интеллигентов из кабинетных и академических ученых в публичные и медийные фигуры.

Подобные трансформации одинаково положительно и позитивно воспринимаются не всеми грузинскими интеллектуалами. Например, Иракли Чедиа⁵⁰ склонен в усилении либерализма и неолиберализма в Грузии и росте влияния либеральных интеллектуалов видеть шаги, направленные на унификацию общества, а Иракли Какабадзе полагает, что доминирование неолиберального дискурса привело к деградации общества в силу того, что «либеральная пресса по-прежнему избегает самых важных вопросов, включая геноцид бедных во всем мире, голод миллиардов людей... зато мы знаем, что Бритни Спирс или Мадонна делает в свое свободное время, что папа думает о мастурбации и что президент и его жена оденут завтра. Либерализм служит современной

⁴⁹ Васильев С. Интеллектуал мертв // Гефтер. 2017. 14 апреля. URL.: <http://gefter.ru/archive/21858>

⁵⁰ ჭედია ი. ლიბერალური ტოტალიტარიზმი – რატომ ცდილობენ ჩვენს გამართოსულებას? // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2017. ნომბერი 1. URL.: <http://european.ge/liberaluri-totalitarizmi/>

капиталистической системе, точнее, либерализм такой же, как капитализм»⁵¹.

Одна из наиболее последовательных версий критик либерального проекта представлена Геги Кухалеишвили, который вовсе предлагает «деконструкцию либерализма», указывая на то, что системных недостатков у этой идеи больше чем позитивных и положительных качеств. Размышляя над проблемами либерализма Г. Кухалеишвили настаивает, что «либеральные инстинкты глубоко женственны, слабы и вырождены... проповедь эгалитаризма, гуманизма и свободы – симптомы больного животного... у либералов мораль является защитным механизмом и второстепенным симптомом, возникающим из недр трусости. Горе вам, либералы, за то, что вы называете гуманизмом и равенством, но что фактически является вашим собственным комплексом неполноценности... в действиях либералов просматриваются ложные неофрейдистские схемы, их вера в них, вера в их сознании ложна, поэтому воля к власти у либералов априори демонизирована и внутренне парализована... либерализм – это бесплодная попытка больного животного, зараженного культурой, вернуться обратно в пещеру... другими словами, либерализм – это декадентская религия, которая стремится к регрессу, прогрессу регресса и разрушению всех границ между ними... в наше время проповедь прогресса приобрела карикатурный и анекдотичный вид. Можете ли вы представить, как жабы тонут в либеральном болоте, осмеливаясь говорить о прогрессе... Славная европейская цивилизация и ее представители, Платон, Августин, Данте, Гете, Леонардо, Шекспир и другие со своими бессмертными идеями, связанными с либидо, репрессированной сексуальностью, свободой выражения мнений, ЛГБТК, правами трансгендеров и педофилами... они также проповедуют прогресс своими грязными языками... европейская культура умирает... ужасные порождения постмодернизма напуганы историей и ее силой. Они незрелы, но инстинктивно осознают, что запоминание и созерцание прошлого покажет им самую болезненную реальность, которой они всегда избегали – все, что произошло, будет продолжаться, и в этом случае клоуны постмодерна должны будут признать простые истины современности... появление на сцене постмодернистских невежественных подростков, их обожествление и вознесение, подтверждает духовное старение европейской культуры. Ломтики молодого мяса на прилавках рынка, ядовитые мухи и бессмысленные вороны кусают эту приманку, и свободный дух легко может распознать гениальный трюк

⁵¹ კაკაბაძე ი. ლიბერალური ინტელიგენციის ვნებანი // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2013. ნომერი 4. URL.: <http://european.ge/liberaluri-inteligenciis-vnebani/>

постмодерна... Либеральное мышление и познание лишены высшей недостижимой цели... Либерализм сам по себе исключает любую философию или глубину мысли... Ложная философия постмодерна и неолиберализма стремилась решить проблему внутреннего рабства, узаконив его. Предложив открытое общество и подобные, бессмысленные, идиотские и бредовые идеи, постмодернисты стремились преодолеть внутреннее рабство, уничтожив внешнюю свободу, что требовало появления человека, который был бы как можно более поверхностным, лишенным экзистенциальных особенностей и абстрактного мышления, но имел бы стерильные чувства и мертвые идеалы... неолиберализм, используя постмодернистскую идею относительности морали, пытался оправдать свою аморальность.... либерализм является перевернутой версией христианства. Следовательно, либерал – не более чем больной христианин... истинного либерализма нет... Нет настоящего либерала, как нет настоящего христианина... Доктрина классического либерализма изначально ограничена в своем мышлении с непреодолимым внутренним сопротивлением, подражанием христианским догмам и светской шизофренией... идиотизм, как мы хорошо знаем, прогрессирует бесконечно, пока не рухнет»⁵².

Геги Кухалеишвили фактически предлагает очень последовательную и логически выверенную даже не критику, но программу критики и отрицания либерализма в целом как политической философии и идеологии и актуальной моды в частности. Геги Кухалеишвили не просто критикует либерализм справа или с точки зрения сторонника фундаментализма и традиционных ценностей. Критика либерального проекта, предлагаемая Г. Кухалеишвили, является критикой с позиций критически мыслящего интеллектуала, которые склонен не просто критиковать, используя политические и идеологические аргументы, но последовательно деконструировать критикуемый концепт, решительно демонтируя и разрушая объект критической рефлексии.

Некоторыми авторами традиционалистской ориентации актуализируется иная опасность, которая, по их мнению, исходит от либерализма и либертарианства. Гиорги Тигинашвили-Ивриспирели еще в первой половине 2010-х годов был склонен писать об аморальности либерализма⁵³ и о «жалкой риторике либертарианских снобов и псевдоэлит, которые традиционно ненавидят духовные

⁵² კუხალეიშვილი გ. ლიბერალიზმის დეკონსტრუქცია // ავინაჟი. 2019. ივლისი 9. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/430-.html>

⁵³ ტიგინაშვილი-ივრისპირელი გ. უზნეობიდან... უზნეობამდე! // საინფორმაციო-ანალიტიკური სააგენტო "ივერიონი". 2014. ოქტომბერი 8. URL.: <http://iverioni.com.ge/8017-uzneobidan-zneobamde.html>

авторитеты»⁵⁴. Лия Русиашвили, например, в середине 2010-х годов регулярно обвиняла именно либералов в подрыве традиционных ценностей грузинского общества, в первую очередь – православия⁵⁵. Марина Мусхелишвили еще во второй половине 2010-х годов констатировала то, что сторонники либеральной идеологии среди грузинских интеллектуалов рано или поздно окажутся в состоянии идейного тупика и стагнации, а «односторонность доминирующего политического дискурса»⁵⁶ фактически ухудшит ситуацию, исключив возможность появления реальных альтернатив.

К концу 2010-х годов критика либерализма грузинскими интеллектуалами, несмотря на активные попытки его защиты, продвижения и популяризации⁵⁷, усилилась чему способствовало несколько факторов, включая отсутствие реальных позитивных изменений в социально-экономическом уровне жизни для большинства населения, неспособность решить территориальные вопросы и реинтегрировать Грузию в ее прежних границах, но большинство претензий имели, конечно, экономические и социальные основания, суммируя которые Геги Кухалеишвили подчеркивал, что либерализм, по его мнению, сводится к следующему: во-первых, либерализм «освоил самые добродетельные и деликатные ценности христианской философии, не поблагодарил ее, а затем серьезно исказил, приспособив к своему собственному шаблону»; во-вторых, либерализм – это «очень странная форма свободы... которая рождает новую религию, религию безбожия, новую аморальную мораль... поэтому либерализм – это консерватизм, превратившийся в новый, самый страшный догматизм»; в-третьих, либерализм «не только питается христианством, но и наслаждается смертью Бога, а убийство Бога совершено одним из величайших врагов либерализма, гениальным немецким философом Фридрихом Ницше, но либералы даже не знают, что Бог мертв»; в-четвертых, либерализм является очень ограниченной идеологией, так как «может быть составным элементом свободной мысли, но он недостаточно глубок, более того, можно сказать, что он очень поверхностен. Либерализм не заинтересован в том, чтобы погрузиться во внутренние проблемы субъекта, поэтому он никоим образом не может быть приемлем для свободного человека»; в-пятых,

⁵⁴ ტიგინაშვილი-ივრისპირელი გ. წმ. მამა გაბრიელის წმ. ნაწილთა აღმოყვანება და ლიბერტიარიანელთა უგუნური ქილიკი // საინფორმაციო-ანალიტიკური სააგენტო "ივერიონი". 2014. სექტემბერი 26. URL.: <http://iverioni.com.ge/7649-tsm-mama-gabrielis-tsm-natsiltha-aghmoyvaneba-da-libertarianeltha-ugunuri-qiliki.html>

⁵⁵ რუსიაშვილი ლ. ლიბერალისტებმა მართლმადიდებლობის წინააღმდეგ მორიგი ბინძური შემოტევა წამოიწყეს... // საინფორმაციო-ანალიტიკური სააგენტო "ივერიონი". 2014. დეკემბერი 13. URL.: <http://iverioni.com.ge/10078-lia-rusiashvili-liberastebma-marthmadideblobis-tsinaaghddeg-morigi-bindzuri-shemoteva-tsamoitsyes.html>

⁵⁶ მუსხელიშვილი მ. განვითარება, გლობალიზაცია და ახალი უთანასწორობები საქართველოში // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2015. ივლისი 24. URL.: <http://european.ge/ganvitareba-da-globalizaci/>

⁵⁷ ბრძოლა თავისუფლებისთვის // გირჩი. 2020. ნოემბერი 4. URL.: <https://www.girchi.com/ge/media/news/394-brdzolavisuplebistvis>

либерализм – это искаженная форма свободы – «свобода лакеев и лжецов... свобода либералов – это скотобойня для свиней... это “освобождение” от чего-то, но не свобода»⁵⁸. Подобная критика либерализма в определенной степени, конечно, рациональна, но проблема состоит в том, что грузинские либералы или интеллектуалы, которые себя таковыми позиционируют, предпочитают подобные критические оценки и интерпретации либерального проекта игнорировать. В этом отношении современный интеллектуальный ландшафт Грузии сравним с магистралью с многополосными движением, но параллельные потоки условных националистов и либералов и не менее условных традиционалистов или левых предпочитают альтернативные и, тем более, критически голоса не слышать.

Другие грузинские авторы, хотя и пребывают в меньшинстве в современном интеллектуальном сообществе, также склонны критиковать культурные типы, порожденные глобализацией, массовой культурой и обществом потребления, формируя, тем самым, негативный образ неолиберального дискурса, и полагая, что именно современные либералы продвигают, с одной стороны, «подчинение прав граждан и принципа представительства людей интересам корпоративного капитала и крупных инвесторов», то есть продвигают такую «форму государства, в котором капитал имеет решающий вес и представительство, ограничивая принцип демократического представительства и процесс демократизации»⁵⁹, институционализируя, с другой, гибридные и неполноценные формы капитализма⁶⁰, ориентированные исключительно на обслуживание интересов элит, игнорируя при этом потребности общества. Радикальная версия критики неолибералов в современном грузинском интеллектуальном дискурсе представлена в текстах Гиорги Удзилаури, склонного обвинять политический класс в фашизме⁶¹. В целом же, в вину сторонникам либеральной экономики ставятся как попытки институционализации новых версий авторитаризма⁶², так и негативные особенности в развитии интеллектуального сообщества в Грузии, роль

⁵⁸ **კუხალეიშვილი გ.** ლიბერალიზმი არის კაცობრიობის ტრანსფორმაცია საქონელთა ჯოგად (cattle, ნახირი): "Ecce Homo" // აფინაჟი. 2019. სექტემბერი 27. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/36--cattle-ecce-homo.html>

⁵⁹ **ბერია ა.** როგორ ხდება ნეოლიბერალიზმის კონსტიტუციურად დაკანონება? // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2017. მაისი 29. URL.: <http://european.ge/rogor-khdeba-neoliberalizmis-konstituciurad-dakanoneba/>

⁶⁰ **ნამგალაძე გ., თავბერიძე ზ.** ქართული კაპიტალიზმის ჰიბრიდები // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2017. მაისი 27. URL.: <http://european.ge/qartuli-kapitalizmis-hybridebi-giorgi-namgaladze-zaqaria-tavberidze/>

⁶¹ **უძილაური გ.** შერჩევითი ქსენოფობია და საყოფაცხოვრებო ფაშიზმი საქართველოში // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2011. აგვისტო 24. URL.: <http://european.ge/შერჩევითი-ქსენოფობია-და-უძილაური-გ-დემოკრატიზაციის-მტერი-ელიტების-ფაშიზმი> // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2015. ივლისი 22. URL.: <http://european.ge/demokratizaciis-mteri/>

⁶² **ბერეკაშვილი ბ.** ავტორიტარული ლიბერალიზმი და სამოქალაქო საზოგადოება საქართველოში // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2012. თებერვალი 19. URL.: <http://european.ge/samogalago-sazogadoeba-saqartveloshi-da-liberalizmi/>

которого минимизирована за участие в борьбе, направленной на получение символического капитала, что ведет к отстранению интеллектуалов от модернизации, вместо которой происходит «выборочная модернизация», сводящаяся к попыткам внедрения новой идентичности и деконструкции роли, значения и влияния Церкви⁶³.

Вовлеченность в политические процессы, принятие политических решений актуализировало ответственность представителей интеллектуального сообщества, особенно тех, кто смог стать частью правящих политических элит. Политическая динамика и нестабильность, гетерогенный характер современного грузинского общества, в связи с чем признается, что «ни одно общество, даже в самых тоталитарных режимах, не представляет ни ментального, ни культурного единства»⁶⁴, политические кризисы, этнические конфликты и войны вынудили интеллектуалов становится предателями и коллаборационистами, которые сотрудничают с элитами и меняют своих политических покровителей.

Средняя школа и университеты являются первичными институтами, которые одновременно формируют и воспроизводят идентичность. Школы и университеты, как социальные институты, в отличие от интеллектуальных сообществ, не производят смыслы, они только транслируют и репродуцируют смыслы и идентичности предложенные интеллектуалами. Школа и университеты в Грузии являются важными звеньями в сохранении, воспроизводстве и транслировании национальной грузинской идентичности. Школа стала первичным институтом который ответственен за формирование национальной идентичности и превращение детей в граждан с политической и национальной идентичностью и самосознанием. Грузинская история, литература и язык принадлежат к числу тех предметов которые имеют системное значение для формирования и воспроизводства национальной идентичности, сопровождаясь философскими рефлексиями относительно самой природы языка⁶⁵. Преподавание истории крайне важно в контексте тех методологических и теоретических изменений, которые основные подходы преподавания истории пережили после того критического момента когда Грузия восстановила свою политическую и государственную независимость. Подходы к преподаванию национальной литературы также менялись. В целом гуманитарные науки в средней и высшей школе независимой

⁶³ ბერეკაშვილი ბ. ლიბერალი ინტელექტუალები და სიმბოლური კაპიტალი: სოციალური აღიარება, მოდერნიზაცია და გაუცხოება საქართველოში // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2012. ივლისი 11. URL.: <http://european.ge/liberali-intelektualebi-da-simboluri-kapitali-socialuri-gaucxoeba-sagartveloshi/>

⁶⁴ მაისურაძე გ. “მენტალური უმცირესობა”, ანუ “სამოქალაქო ომი” დაწყებულია // რადიო თავისუფლება. 2013. ნოემბერი 05. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/giorgi-maisuradze-blog/25158483.html>

⁶⁵ ბარბაქაძე ც. ენა – უნივერსალური მულტისემიოტიკური სისტემა // სემიოტიკა. 2015. აგვისტო 1. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/01/ცირა-ბარბაქაძე-ენა-უნივე/>

Грузии были национализированы. Эти процессы актуализировали их инструменталистские и сервилистские роли и предназначения. Грузинские университеты в целом⁶⁶ и их гуманитарные подразделения в частности, включая исторические и филологические факультеты несут сервилистскую повинность и ответственность меньше чем средняя школа. Грузинские университетские интеллектуалы, которые одновременно есть наследники старой советской грузинской национальной интеллигенции и часть гетерогенных европейских интеллектуальных сообществ, предпочитают изобретать, воображать и предлагать смыслы, средняя школа упрощает и использует для социализации и национализации новых поколений грузинских граждан.

Противоречия и особенности развития грузинского интеллектуального сообщества как института производства смыслов. Грузинское интеллектуальное сообщество⁶⁷, которое в постсоветский период испытало на себе все провалы и достижения демократического проекта, несмотря на то, что «Грузия как государство, за исключением последних 26 лет [цитируется текст 2017 года – М.К.], практически не имеют опыта демократического управления. С момента обретения независимости Грузия была вовлечена в различные внутренние и международные конфликты и войны... мы прошли через те этапы развития, которые западное общество проходило в течение двух столетий. Нам пришлось срочно соответствовать базовым стандартам развитого мира и пройти все этапы, которые необходимо пройти, чтобы стать современным государством»⁶⁸, представляет более важный институт идентичности ответственный за производство смыслов. По мнению М. Вигнанского, «за годы, прошедшие после распада СССР, произошла некая ментальная революция... ее последствия пока непонятны. Но факт – за это короткое время выросло всего лишь поколение, а на деле получается, что изменилась целая эпоха»⁶⁹. Поэтому грузинское интеллектуальное сообщество в его современных формах в России

⁶⁶ გურგენიძე ი. თბილისის უნივერსიტეტის რექტორები / რედ. ზ. გამყრელიძე. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1988. 60 გვ.; თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი, 1918-1998 წწ.: საიუბილეო კრებული / მთ. რედ. რ. მეტრეველი. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1998. 448 გვ.; მეტრეველი რ. ივანე ჯავახიშვილი და თბილისის უნივერსიტეტი / რედ. ს. ჯორბენაძე. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1996. 120 გვ.; ჯორბენაძე ს. თბილისის უნივერსიტეტის მოკლე ისტორია. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1988. 367 გვ.; ტაძარი: ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი. ქართული საგანმანათლებლო და სამეცნიერო ცენტრი. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 2000. 177გვ.; მეტრეველი რ. უნივერსიტეტი დღეს: თბილისის სახ. უნ-ტის დაარსების 85-ე წლისთავი. თბილ. ისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 2003. 68გვ.; ჯორბენაძე ს. თბილისის უნივერსიტეტის დაარსება და განვითარება, 1918 - 1968. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 1968. 156გვ.; უნივერსიტეტი: ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი [მე-4 გამოცემა]. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა, 2015. 203 გვ.

⁶⁷ ძიგუა მ. ინტელიგენცია მიხილ ჯავახიშვილის შემოქმედებაში / რედ. კ. ლორია. თბილისი, 2009. 136 გვ.; მახარაძე მ. ინტელიგენცია და პოლიტიკა. თბილისი: ლეთა, 1997. 166 გვ.; მაღლაფერიძე თ. მარადი აწმყო: ნარკვევები ქართულ მწერლობასა და ინტელიგენციაზე / რედ. რ. სირაძე. თბილისი: უნივერსალი, 2005. 433 გვ.

⁶⁸ გუმბერიძე ე. როგორ სამარდება დემოკრატია წვრილმანი პრაქტიკებით? // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2017. ოქტომბერი 31. URL: <http://european.ge/rogor-samardeba-demokratia-wvrilmani-pragტიკებით/>

⁶⁹ Вигнанский М. Как Россия и Грузия ищут формы сосуществования // Россия в глобальной политике. 2018. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ni-mira-ni-voiny-tolko-biznes/>

известно мало, что существенно влияет на векторы и траектории его описания и анализа в российской историографии.

Проблемы определения характера и статуса мыслящего меньшинства или класса в Грузии крайне спорны и дискуссионны. Мыслящий класс советского периода был известен как интеллигенция. Грузинская национальная интеллигенция, с одной стороны, как их коллеги в других постсоветских странах очень мучительно пережили переходный период, став жертвами социальной и экономической маргинализации⁷⁰. С другой стороны, часть интеллигенции смогла приспособиться и стала интеллектуальными сообществами. Современные грузинские интеллектуальные сообщества не знакомы с понятиями единства и единомыслия в их советском радикальном понимании. Поэтому интеллектуальные пространства современной Грузии фрагментированы. Прозападная и проевропейская часть старой советской грузинской интеллигенции, которая в советский период латентно, тайно и скрыто культивировала европейскую идентичность и идеи, смогла успешно адаптироваться в современных реалиях и стала частью грузинских интеллектуальных сообществ. Этот сегмент грузинского интеллектуального пространства ответственен за генезис, воображение, изобретение и производство смыслов. Эти грузинские интеллектуалы переписали старые советские версии истории потому, что безраздельное доминирование коммунистической идеологии и классового подхода перестало их удовлетворять. Грузинские интеллектуалы отвергли старые версии, тактики и стратегии национального историописания и заменили их новыми, коренящимися в этноцентризме. Грузинские интеллектуалы предложили новый национальный пантеон отцов-основателей нации, отвергнув старых советских героев и заменив их новыми и более национально маркированными образами, включая представители грузинской эмиграции и активистами национального антикоммунистического и антисоветского движения.

Старые академические институты которые формируют структуру Национальной Академии Наук Грузии являются традиционным социальным и культурным местом обитания «старой» грузинской интеллигенции. Эти институты вовлечены в процессы производства идентичности и изобретения национальных смыслов, но представители традиционной грузинской интеллигенции предпочитают изобретать смыслы архаично, используя традиционные формы генерирования новых идей. Институт грузинской литературы им. Шота Руставели и

⁷⁰ ბარბაქაძე ც. ბერეკაშვილი, თამარ. ესე მარგინალობასა და მოწყენილობაზე // სემიოტიკა. 2010. აგვისტო 8. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/08/თამარ-ბერეკაშვილი-ესე-მ/>

Грузинский национальный центр рукописей им Корнелия Кекелидзе⁷¹ являются двумя знаковыми и символически важными академическими институтами, которые одновременно производят традиционную модель академического исторического и знания и генерируют новые смыслы национальной грузинской идентичности. Институт грузинской литературы им. Шота Руставели с его несовременным и архаичным сайтом⁷² принадлежит к числу типичных постсоветских или даже несоветских академических институтов, которые стали резервациями для представителей старшего поколения грузинской интеллигенции. Институт грузинской литературы, как другие государственные научные организации, занимается наукой в ее традиционном и почти позитивистском понимании. Тематика и направления исследований традиционны и сфокусированы на истории грузинской литературы в событийном или персонифицированном контекстах. Грузинские интеллектуалы из Института грузинской литературы участвуют в производстве смыслов, но предпочитают делать это архаично, воображая и изобретая большие нарративы, синтетические версии истории грузинской литературы, которые фактически комбинируют средневековые традиции, реалистическую классику, модерн, советский период и современность. Попытки локализовать наследие литературы грузинской эмиграции в этой стройной схеме не меняет радикально общие тенденции, которые доминируют в активностях интеллектуалов из академических институтов. Грузинский национальный центр рукописей также участвует в изобретении смыслов, но предпочитает делать это несколько иначе, чем другие традиционные академические институты, более активно используя современные средства коммуникации, имея свои страницы в Facebook⁷³, Instagram⁷⁴, Pinterest⁷⁵, Twitter⁷⁶, и канал в Youtube⁷⁷.

Грузинский национальный центр рукописей преимущественно играет инструменталистскую роль и актуализирует древний и картвельский этнический характер грузинской идентичности. Социальные и культурные роли Центра имеют много общего с функциями армянского Матенадарана. Центр визуализирует символические и сакральные измерения и уровни грузинской идентичности. Традиционные тексты и манускрипты стали сырьем для изобретения современной нации и новых форм и смыслов национальной идентичности. Поэтому усилия Центра стали более или

⁷¹ ხელნაწერთა ეროვნული ცენტრი. URL.: <http://manuscript.ge/>

⁷² შოთა რუსთაველის ქართული ლიტერატურის ინსტიტუტი. URL.: <https://www.litinstitut.ge/>

⁷³ ხელნაწერთა ეროვნული ცენტრი. URL.: <https://www.facebook.com/Manuscript.ge/>

⁷⁴ ხელნაწერთა ეროვნული ცენტრი. URL.: https://www.instagram.com/national_centre_of_manuscripts/

⁷⁵ საქართველოს ხელნაწერთა ეროვნული ცენტრი. URL.: https://ru.pinterest.com/national_centre/

⁷⁶ ხელნაწერთა ეროვნული ცენტრი. URL.: <https://twitter.com/manuscripts1>

⁷⁷ ხელნაწერთა ეროვნული ცენტრი. URL.: <https://www.youtube.com/user/manuscripts1>

менее удачными попытками грузинских интеллектуалов найти место для средневекового наследия в современном мире, не только изобретая при этом идентичность, но и культивируя этноцентризм. Грузинский национальный центр рукописей стал попыткой инструментализировать идентичность, вписав и встроив потенциал древнего этнического культурного, языкового и литературного наследия в современные контексты.

Другие проекты академических институций в Грузии имеют аналогичные задачи в контекстах воображения и изобретения идентичности и производства смыслов. Комитет Руставели⁷⁸ играет роль аналогичную Грузинскому национальному центру рукописей, но активности Комитета имеют более частный характер, потому что они сфокусированы на сохранении, анализе и изучении наследия Шота Руставели. Традиционные академические институты и центры воображают и изобретают смыслы идентичности в их современном понимании, стремясь модернизировать и интегрировать архаичные, этнические и картвельские истоки и основания грузинской нации в многочисленные гетерогенные контексты современности.

Институты идентичности в современной Грузии крайне разнообразны, а те из них, которые ответственны за производство, воспроизводство и генерацию новых смыслов включают одновременно традиционные институты формально институционализированных групп (партии, СМИ, академические организации), интеллектуальные сообщества и пространства. Географические пространства в современном глобализирующемся мире перестали быть только и исключительно объектами физической географии. Интеллектуалы, ответственные за актуализацию новых смыслов пространств в контексте развития идентичности и идеи политической нации, достаточно тонко этот факт чувствуют. Интеллектуалы одновременно воображают нации и изобретают пространства – поэтому национализированные пространства и воображенные нации как изобретенные традиции формирует неразрывное единство в грузинском культурном дискурсе.

Грузинские интеллектуалы не стали исключением из универсальной логики развития националистического воображения и сделали много для изобретения Грузии как идеального отечества. Интеллектуалы вообразили физические географические пространства не просто как часть географии, но как сакральное тело нации. Исторически возникшие регионы, которые имели свои физические географические особенности, были воображены как части сакрального

⁷⁸ რუსთაველის კომიტეტი. URL.: <http://saunie.nekeri.net/commettee/>

и неделимого пространственного тела грузинской политической нации. Современное политическое тело грузинской нации в пространственном и территориальном измерениях включает Аджарию⁷⁹ или Автономную Республику Аджария⁸⁰, Гурию⁸¹, Имерети⁸², Кахети⁸³, Мцхета-Мтианети⁸⁴, Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети⁸⁵, Самегрело и Земо-Сванети⁸⁶, Самцхе-Джавахети⁸⁷, Квемо-Картли⁸⁸, Шида-Картли⁸⁹.

Современные регионы Грузии стали воображенными конструктами. Поэтому националистические мыслящие интеллектуалы воображая исторические формы грузинской государственности стремятся доказать и актуализировать непрерывный характер развития политических институтов и континуитет между различными регионализированными и даже локализованными формами грузинской государственности. Эти интеллектуальные практики фактически стали попытками наделения новыми смыслами грузинского политического пространства как постоянно функционирующей фабрики производства и воспроизводства смыслов. Поэтому Самцхе-Саатабаго⁹⁰, Картлийское царство⁹¹, Кахетинское царство⁹², Имеретинское царство⁹³, Гурийское Княжество⁹⁴ стали коллективными местами памяти⁹⁵ и географическими изобретенными традициями, которые формируют политическое тело грузинской нации.

Эти регионы являются интеллектуальными и культурными конструктами, попытками интеллектуалов преодолеть замкнутость и ограниченность физической географии и предложить новую версию политической географии идеальной воображаемой родины, где каждый регион является частью символического и сакрального тела

⁷⁹ ad'ara = აჭარა

⁸⁰ ad'aris avt'onomiuri resp'ublik'a = აჭარის ავტონომიური რესპუბლიკა

⁸¹ გურია = guria

⁸² imereti = იმერეთი

⁸³ k'akheti = კახეთი

⁸⁴ mtskheta-mtianeti = მცხეთა-მთიანეთი

⁸⁵ rač'a-lečkhumi da kvemo svaneti = რაჭა-ლეჩხუმი და ქვემო სვანეთი

⁸⁶ samegrelo-zemo svaneti = სამეგრელო-ზემო სვანეთი

⁸⁷ samtskhe-džavakheti = სამცხე-ჯავახეთი

⁸⁸ kvemo kartli = ქვემო ქართლი

⁸⁹ šida kartli = შიდა ქართლი

⁹⁰ Самцхе-Саатабаго (სამცხე-საათაბაგო = samtskhe-saatabago) – средневековое грузинское государство, существовавшее в XIV – XVI вв.

⁹¹ Картлийское царство (ქართლის სამეფო = kartlis samepo) – средневековое грузинское государство, существовавшее в 1484 – 1801 гг.

⁹² Кахетинское царство (კახეთის სამეფო = k'akhetis samepo) – средневековое грузинское государство, существовавшее в 637 – 1106, 1490 – 1762 гг.

⁹³ Имеретинское царство (იმერეთის სამეფო = imeretis samepo) – средневековое грузинское государство, существовавшее с XV века до 1811 года.

⁹⁴ Гурийское княжество (გურიის სამთავრო = guriis samtavro) – средневековое грузинское государство, существовавшее с XIV века до 1828 года.

⁹⁵ ლორთქიფანიძე ვ. სამცხე-ჯავახეთი XIX-XX საუკუნეებში: დემოგრაფიული განვითარების პრობლემები / რედ.: ლ. ჩიქავა. თბილისი: მეცნიერება, 1994. 120 გვ.; სუდაძე ნ. სოციალური ვითარება და საგანმანათლებლო საკითხები XIX საუკუნის სამცხე-ჯავახეთში / რედ. მ. ლომსაძე. თბილისი: მეცნიერება, 1998. 188გვ.; კოჭორიძე დ. სამცხე-ჯავახეთი-წარსული და დღევანდელი. თბილისი: საბჭოთო საქართველო, 1987. 187გვ.; რეხვიაშვილი, მიხეილ. იმერეთის სამეფო (1462-1810 წ.წ.) / რედ. ქ. ჩხატარაიშვილი. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა., 1989. 524 გვ.; რეხვიაშვილი მ. იმერეთის სამეფო XVI საუკუნეში: პოლიტიკური ისტორია. თბილისი: თბილ. უნ-ტის გამ-ბა., 1976. 83გვ.; ხომერიკი მ. იმერეთის სამეფოს გაუქმება, 1819-1820 წლების აჯანყება და იმერეთის ბაგრატიონები. თბილისი: უნივერსალი, 2012. 450გვ.; ჩხატარაიშვილი ქ. გურიის სამთავროს შეერთება რუსეთთან. თბილისი: მეცნიერება, 1985. 118გვ.

политической нации. Поэтому грузинские интеллектуалы, с одной стороны, активно одновременно конструируют историю Грузии как единого картвельского государства и, с другой, воображают и изобретают региональные измерения грузинской истории. Эти интеллектуальные и культурные практики фактически стали попытками наделить новыми политическими и культурными смыслами физические географические пространства. Регионы Аджарии, Гурии, Имерети, Кахети, Мцхета-Мтианети, Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети, Самегрело и Земо-Сванети, Самцхе-Джавахети, Квемо-Картли и Шида-Картли формируют административную структуру современной Грузии, но политическое тело грузинской нации утратило свое единство в 1990-е годы.

Формы легитимации государства и нации меняются медленнее, чем сами нации и государства.

Современная Грузия унаследовала архаичные формы организации политического пространства и коллективные представления интеллектуалов о пространстве также являются устаревшими потому, что коренятся в традиционных версиях легитимации. Традиционные формы воображения, изобретения и легитимации грузинского пространства как места обитания тела политической нации меняются более медленно, чем само пространство. Грузинские интеллектуалы частично ответственны за это потому, что они предпочитают использовать позитивистские и этноцентричные модели воображения политических территорий грузинской нации. Утрата территориального единства пространственного тела нации стимулирует интеллектуальные сообщества активно и одновременно производить и воспроизводить смыслы, изобретать политические и идеологические мифы.

Грузия в 1990-е годы утратила контроль над двумя регионами, которые грузинские интеллектуалы успели вообразить и изобрести как исторически грузинские и интегрировать их в сакральное тело грузинской политической нации. Абхазия и Южная Осетия стали этими двумя регионами, которые формируют проблемные части грузинского политического тела. Дефиниция Республика Южная Осетия⁹⁶ полностью чужда для грузинского политического сознания и грузинской идентичности потому, что она ставит под сомнение центральную идею единства и пространственной неделимости грузинской политической нации. Поэтому грузинские элиты, с одной стороны, предпочли разделить эти территории между другими частями пространственного

⁹⁶ სამხრეთ ოსეთის რესპუბლიკა = samkhret osetis resp'ublik'a = Республика Южная Осетия

государственной власти. Конституция Автономной Республики Абхазия определяет Абхазию как часть Грузии и автономию¹⁰³.

Тбилиси не смирился с фактической потерей и утратой контроля над территорией Абхазии, но активно стремится интегрировать и вернуть ее в единое политическое тело и пространство грузинской политической нации, хотя бы – на уровне политического и культурного воображения. Правительство Автономной Республики Абхазия в изгнании является формализованной институцией, которая должна воображать и изобретать грузинские образы Абхазии, воспроизводить грузино-центричные абхазские смыслы и интегрировать регион в грузинский картвельский культурный, политический, социальный и экономический контексты и пространства. Поэтому Правительство Автономной Республики Абхазия продвигает картвелоцентричные образы региона, включая государственные символы. Поэтому символы стали формами визуальной репрезентации одновременно политического тела нации и географического пространства современной грузинской государственности. Официальный флаг и герб Правительство Автономной Республики Абхазия комбинирует грузинские и абхазские мотивы и образы, но первые явно доминируют и преобладают над вторыми. Эти флаг и герб, признаваемые официальным Тбилиси и используемые правительством в изгнании, стали попыткой символического воссоединения и возвращения Абхазии в грузинское политическое пространство.

Институты идентичности в современной Грузии представлены одновременно институтами в традиционном смысле как институционализированными организациями и институтами как процессами, которые существенно и значительно влияют на основные траектории и направления развития идентичности. Эти процессы трансформации идентичности, включая клерикализацию и секуляризацию одновременно являются взаимоисключающими, но современная Грузия существует и развивается в контекстах этих двух тенденций. Интеллектуальные сообщества Грузии активно реагируют на угрозы клерикализации и секуляризации. Секуляризации в Грузии как в других периферийных регионах Европы развивалась медленнее, чем в центральных регионах Европы. Роль Православной Церкви в Грузии была сравнима с влиянием Католической Церкви в Польше, Литве или Испании. Поэтому стартовые условия секуляризации были крайне негативны потому, что грузинское общество было традиционно. Секуляризация стала следствием принудительной политики

модернизации, инициированной большевиками, которые советизировали Грузию.

Несмотря на все попытки атеизации и принудительной секуляризации Грузии в советский период она была среди тех советских республик, где роль церкви и религии в социальной и культурной жизни были более значительны и видимы, чем в других республиках. Религия и церковь были коллективными героями грузинской советской культуры и литературы. Грузия была среди тех республик где местные власти разрушали церкви и храмы менее активно, чем власти других регионов. Поэтому грузинское общество было более религиозным, чем общества других советских республик. Грузия в этой культурной и интеллектуальной ситуациях была более подготовлена к религиозному возрождению и радикальной клерикализации общества и культуры, которые возобладали в Грузии после того, как республика восстановила свою государственную и политическую независимость и суверенитет.

Реставрация грузинской политической независимости одновременно стала стимулом для клерикализации, которая не означала прекращения дальнейшего развития секулярных политических и интеллектуальных трендов и тенденций. Грузинские либеральные интеллектуалы, которые полагают что Православная Церковь мертва и поэтому не готова к дебатам и дискуссиям с обществом¹⁰⁴, стали основными критиками Церкви как инициатора архаизации и клерикализации общества. Период правления президента Мхеиლა Саакашвили стал золотым веком в современной грузинской истории для проамерикански ориентированных либералов, которые продвигали проект (активно критикуемый левыми грузинскими интеллектуалами¹⁰⁵) решительной вестернизации и демократизации одновременно содействовали укреплению светских оснований современной грузинской государственности. Утверждения, что грузинские интеллектуальные сообщества очень гетерогенны и фрагментированы, стали общим местом историографии, чему содействовали и сами грузинские интеллигенты, предпочитавшие фрагментацию своего сообщества его консолидации.

¹⁰⁴ **ხვინია ი.** პერსონალური სნობი, ვუპის თედო და ქართველი ლიბერალები // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2010. აპრილი 15. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=505>; **ურუშაძე ი., ბადოიანი ნ.** რელიგიის ლიბერალური კრიტიკა საქართველოში // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2016. სექტემბერს 12. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1288>

¹⁰⁵ **მონბიო ჯ.** ნეოლიბერალიზმი – იდეოლოგია, სადაც ჩვენი ყველა პრობლემის ფესვებია // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2018. იანვარი 31. URL.: <http://european.ge/neoliberalizmi-ideologia-sadac-chveni-yvela-problemis-fesvebia/>

გიორგი მაისურაძე¹⁰⁶ полагает что грузинское общество имеет много общего с итальянским, потому что левое меньшинство поддерживает левые идеи и предпочитает критиковать Церковь как слишком архаичный и традиционный институт, хотя грузинские авторы провозгласили, что «Бог умер» позднее чем их европейские коллеги¹⁰⁷. Критика Православной Церкви в 2000-е годы не была критикой православия в частности, оппоненты Церкви предпочитали указывать на ее традиционность и архаический характер в целом. Поэтому грузинские интеллектуалы в современной Грузии непрерывно и постоянно колеблются между полюсами клерикализации и секуляризации. Православная Церковь стала важным фактором культурной, социальной и политической жизни современной Грузии, а иерархи Церкви стали медийными фигурами. Клерикализация культурной и социальной жизни стала очень противоречивым процессом в современной Грузии потому, что грузинские интеллектуалы не смогли создать консолидированное сообщество. Грузинская Церковь оперативно, активно и своевременно прореагировала на слабость и нерешительность светских интеллектуальных сообществ. Иерархи и представители Церкви, понимая, что светское общество не может преодолеть травмы пост-коммунистических трансформаций, решили проявить инициативу и предложили альтернативный путь развития, который исключал достижения и успехи модернизации и секуляризации.

Грузинские интеллектуалы, с одной стороны, крайне далеки от единства в своих мнениях, будучи зависимыми от идеологической конъюнктуры и влияния политических элит. Грузинские интеллектуалы предпочитают соотносить и сравнивать свои идеи с позицией властей и правящих кругов, включая финансовую зависимость от государства¹⁰⁸, которое продолжает оставаться основным спонсором формализованной грузинской национальной культуры. Поэтому грузинский интеллектуальный дискурс развивается как гетерогенный, попытки трансплантации западных подходов, популяризация наследия европейской философии 20 века¹⁰⁹ сосуществует с формальными и

¹⁰⁶ მაისურაძე გ. პოლარიზაცია // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეზი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2010. მაისი 6. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=521>

¹⁰⁷ ხარიბეაშვილი გ. ოთარ ჯირკვალიშვილის “კანფეტი” - ანუ დიალექტიკური აზროვნება ყოფიერებაზე // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეზი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2018. დეკემბერი 12. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1629>

¹⁰⁸ ბერიაშვილი ლ. სახელმწიფო კაპიტალიზმი თანამედროვე ქართული კულტურის ქრილში // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეზი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2015. ოქტომბერს 1. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1241>

¹⁰⁹ ბიჭაშვილი მ. როლან ბარტის სემიოლოგიური კონცეფციისათვის // სემიოტიკა. 2010. აგვისტო 21. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/21/>; თინიკაშვილი დ. დროის აღქმა ავგუსტინესთან ანუ „შენში, სულო, ჩემო, ვზომავ დროს“ // სემიოტიკა. 2012. იანვარი 10. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/01/10/დავით-თინიკაშვილი-დროის/>; ბერეკაშვილი თ. იდენტობის პრობლემა: დრო და სარკე // სემიოტიკა. 2012. იანვარი 9. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/01/09/>; კლიზბარაშვილი ე. დროის “წაკითხვა” სამყაროს მეოთხე

имитационными / симуляционными практиками представителей грузинской интеллигенции из традиционных академических институций. Новые и старые грузинские интеллектуалы одинаково вовлечены в процессы воспроизводства и воображения смыслов, но проекты идентичности и нации, изобретаемые ими, могут быть диаметрально противоположными и взаимно исключаящими.

Поэтому грузинские интеллектуалы очень боязливы и зависимы от внешнего влияния и контроля одновременно. Грузинское общество в 1990 – 2010-е несколько раз реагировало на социальные и религиозные запросы, но реакция Церкви и интеллектуального сообщества были диаметрально противоположны и взаимоисключающи. Если Церковь стала источником архаизации и клерикализации общества, последовательно защищала традиционные ценности, решительно осуждала представителей сексуальных меньшинств, то интеллектуальные сообщества были гетерогенны и их социальные и культурные реакции были разнообразны. Несмотря на аморфность современного грузинского интеллектуального сообщества, интеллектуалы изредка пытались противостоять тенденции клерикализации грузинского общества.

Роман Зазы Бурчуладзе «Надувной ангел»¹¹⁰ стал попыткой грузинского общества прореагировать на взаимоисключающие тенденции секуляризации и клерикализации, отражая, вместе с тем, и определенные проблемы психологического (или даже – психического¹¹¹) свойства, с которыми столкнулась Грузия, став фактически постколониальной страной. Роман имеет немало общего с «Мастером и Маргаритой» Михаила Булгакова, но эти сходства только формальны. Георгий Гурджиев, как представитель ранней модерной культуры, который случайно попал в современную Грузию, где потребление вытеснило национальную идею, стал основным героем романа. Мотивы постмодерна сочетаются с образами традиционной архаичной сказки и мифа. Поэтому собаку героев зовут Фуко, а местный криминальный авторитет деревенеет, превращается в полуживую деревянную народную скульптуру, локального святого и целителя. Роман стал важным вкладом в развитие изобретенных традиций грузинской идентичности в пост-современном обществе потребления, которое утратило устойчивые связи с традиционными культурными и социальными основаниями грузинской политической нации. Роман

განზომილების სივრცითი კოორდინატის მიხედვით // სემიოტიკა. 2014. მაისი 2. URL: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2014/05/02/ელიზბარ-ელიზბარაშვილი-დ/>

¹¹⁰ ბურჭულაძე ზ. გასაბერი ანგელოზი. თბილისი, 2011. 208 გვ.

¹¹¹ ბარბაქაძე ც. მეშლილობის სემიოტიკა და თანამედროვე ლიტერატურული პროცესები (პოსტკოლონიური ქართული პოეზია) // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლემი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. ივნისი 7. URL: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=555>

одновременно актуализировал народные архаичные традиции и тенденции растущего общества потребления. Роман стал попыткой пересмотреть традиционные основания грузинской политической и национальной идентичности, роль веры и религии в развитии грузинского национального сознания.

Если Гиа Нодиа робко заявлял, что не понимает, почему Константине Гамсахурдиа имеет репутацию самого великого грузинского писателя, то Заза Бурчуладзе¹¹² переворачивает основания грузинской идентичности с ног на голову: бандит и разбойник с фамилией грузинского академика-филолога Чикобава становится православным святым и праведником. Другие герои романа также имеют фамилии лучших представителей грузинской интеллигенции 20 века, но никто из них не понимает и не чувствует связи с историческими формами грузинской идентичности. Роман имеет революционный характер в контексте попыток его автора усомниться в религиозных православных корнях и основаниях грузинской идентичности. Роман актуализировал свое революционное послание в транзитном обществе, где часть социума сохраняет свои религиозные предпочтения, когда другие сегменты оказались вовлечены в процессы секуляризации, а интеллигенция не смогла адекватно ответить вызовам секуляризации и угрозам клерикализации.

Роман стал символическим доказательством того, что грузинская идентичность существует и функционирует как политический, социальный и культурный конструкт потому, что автор фактически пересматривал, воображал и изобретал грузинскую идентичность. Заза Бурчуладзе фактически вырезал грузинских классиков из их традиционных культурных и социальных ландшафтов обитания, включая школьные учебники и синтетические версии истории грузинской литературы. Заза Бурчуладзе демонтировал архаические представления об истории грузинской литературы, пантеоне классиков и отцов-основателей, заменив их собранием странностей и анекдотов о похождениях грузина из прошлого в современном Тбилиси. Удачный литературный эксперимент Заза Бурчуладзе фактически доказал что грузинская идентичность и грузинская литература как частый случай ее развития была воображена грузинскими интеллектуалами 19 и 20 веков как изобретенная традиция.

Роман стал попыткой изобрести территориальные формы и измерения грузинской идентичности потому, что Тбилиси в тексте фигурирует одновременно как изобретенная традиция и коллективный герой, что совпало с несколько отложенным антропологическим

¹¹² ქარუმიძე ზ. პოსტსაბჭოთა საქართველო და პოსტმოდერნიზმი // არილი. 2010. ივლისი 2. URL.: <http://arilimag.ge/ზურაბ-ქარუმიძე-პოსტსაბ-2/>

поворотом в грузинской культурной и интеллектуальной традициях. Вероятно, герои грузинской прозы на протяжении длительного времени испытывали проблемы с осознанием своей собственной сексуальности, что стало следствием значительной роли религии и традиционности грузинского общества относительно секса¹¹³. Если традиционная сексуальность в грузинском обществе на протяжении длительного времени пребывала среди нежелательных тем, то гомосексуальность¹¹⁴ и вовсе была табу, что автоматически исключало ее обсуждение, допуская лишь осуждение со стороны традиционно настроенных групп общества. Поэтому, на протяжении длительного времени эта тема принадлежала к числу табуированных¹¹⁵ и только в последние два десятилетия грузинская литература осваивает телесность своих героев, что, в частности, делает и Нугзар Зазанашвили, фактически деконструируя представления массовой культуры общества потребления о теле, призывая воображаемого читателя «Тренируйте каждую мышцу! Бодибилдинг - Культ тела: Долой колебания! Долой отражение! Давайте построим тело как церковь! Давайте строить тело днем и ночью!... Рок, спорт и безопасный секс. Вот такой здоровый образ жизни!»¹¹⁶, фактически подвергая ревизии традиционные представления о Церкви, подменяя представления о ней как о Теле Христовом более приземленными представлениями о теле серийного человека, вовлеченного в массовую культуру.

Стремление к ревизии культурной ситуации вынудило некоторых грузинских авторов воспринимать веру в более радикальной системе координат, подчеркивая, с одной стороны, что политизация Церкви и религиозных активистов привела к появлению «христофашизма»¹¹⁷, и, с другой, настаивая, что «религия – это биологическое отклонение ... религия – это меньше секса, меньше еды и меньше женщин. Религия – это паразит жизни»¹¹⁸. Проблемы сексуальности в грузинском

¹¹³ რამიშვილი ლ. სექსი და ივერთ მხარე // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2009. დეკემბერი 26. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=249>

¹¹⁴ შტობერი ს. საქართველო: თანამედროვეობას და შუასაუკუნეებს შორის // Heinrich Böll Stiftung. Tbilisi Office. 2013. მაისი 29. URL.: <https://ge.boell.org/ka/2013/05/30/sakartvelo-tanamedroveobas-da-shuasaukunebs-shoris>

¹¹⁵ ასათიანი ს. როდის ხდება სექსი სახიფათო: ცოდნა, როგორც გაძლიერება // რადიო თავისუფლება. 2020. თებერვალი 28. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/30460029.html>

¹¹⁶ В оригинальном источнике: «ბოდობილინგი - სხეულის კულტი: გავივარჯიშოთ ყოველი კუნთი! ძირს მერყეობა! ძირს რეფლექსია! ვაშენოთ ტანი, ვით ეკლესია! ვაშენოთ ტანი დღითა და ღამით!... როკი, სპორტი და უსაფრთხო სექსი, აი, ჯანსაღი ცხოვრების წესი!» («bodibildingi - skheulis k'ult'i: gavivarjišot q'oveli k'unti! dzirs merq'eoba! dzirs repleksia! vašenot t'ani, vit ek'lesia! vašenot t'ani dghita da ghamit!... rok'i, sp'ort'i da usaprtkho seksi, ai, jansaghi tskhovrebi ts'esi!»). См.: ზაზანაშვილი ნ. ბოდობილინგი // აფინაჟი. 2020. თებერვალი 8. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/321--html>

¹¹⁷ ტეფნაძე ნ. მძკ - ქრისტიანობაში // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2010. მაისი 5. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=520>

¹¹⁸ В оригинальном источнике: «რელიგია, ეს ბიოლოგიური გადახრა.... ნაკლები სექსი, ნაკლები ჭამა და ნაკლები ქალი - ესაა რელიგია. რელიგია სიცოცხლის პარაზიტია» = «religia, es biologiuri gadakhra.... nak'lebi seksi, nak'lebi č'ama da nak'lebi kali - esaa religia. religia sitsotskhliis p'arazit'ia». შამანაური ვ. მაგია, რელიგია და მეცნიერება // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2010. აპრილი 24. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=513>

интеллектуальном дискурсе на протяжении длительного времени пребывали в тени других сюжетов, сознательно замалчивались или намеренно игнорировались, будучи табуированной темой, «реанимацией» или введением которой в литературный оборот занялся Заза Бурчуладзе¹¹⁹ – писатель и интеллектуал с весьма спорной (или противоречивой) репутацией, который позволял себе больше, чем другие грузинские авторы.

Комментируя ситуацию и стремясь к ее ревизии, некоторые грузинские авторы начала 2010-х годов подчеркивали, что «многие религии объявили секс преступлением против человечества. В этом отношении иудаизм особенно строг и я бы сказал, что жесток. Христиане верят, что секс это грех... Иудео-христианство и другие моралистические, репрессивные религии загнали людей в тупик, но поскольку наука, наконец, тоже оказалась в тупике, иудейско-христианский взгляд на секс или идея его греховности не может сочетаться с научным знанием о сексе. Поэтому вышеупомянутые религии находятся в конфликте с наукой, с реальным, объективным знанием, и решить этот конфликт пока невозможно... пока идея “греховности” секса окончательно не обанкротится, будут идиоты, которые будут убивать и калечить людей, привнося в мир агрессию, боль и безумие вместо гармонии»¹²⁰.

Если грузинские интеллектуалы начала 2010-х годов были активны в своих попытках открыть и изобрести такие измерения грузинской истории как страдание¹²¹ и красота¹²², телесность и сексуальность¹²³, то роман З. Бурчуладзе в значительной степени имел аналогичные функции, став попыткой преодолеть традиции игры в грузинской культуре – Заза Бурчуладзе в условиях, когда деконструкция¹²⁴ стала общим местом или почти универсальным методом гуманитарного знания, пытается деконструировать коллективную и индивидуальную веру в чудо, но грузинское общество не готово окончательно и решительно порвать со своим прошлым и расстаться с верой в «золотой век» и национальную утопию. Эти тенденции деконструкции возникли как результат вовлеченности грузинских интеллектуалов в

¹¹⁹ ტუფნაძე ზ. აღიბასი // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2009. დეკემბერი 27. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=250>

¹²⁰ რამიშვილი ლ. სექსი, როგორც დანაშაული // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2010. იანვარი 12. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=327>

¹²¹ ჯოხაძე გ. სხეულის თავგადასავალი: ქართული ვერსია ცრემლი და ტირილი // სემიოტიკა. 2010. აგვისტო 21. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/21/გია-ჯოხაძე-სხეულის-თავგა-2/>

¹²² ბეზარაშვილი ქ. მშვენიერების ცნება ბიზანტიურ, ძველ ქართულ ესთეტიკაში და რუსთაველთან // სემიოტიკა. 2010. აგვისტო 19. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/19/ქეთევან-ბეზარაშვილი-მშვენიერების-ცნება-ბიზანტიურ-ძველ-ქართულ-ესთეტიკაში-და-რუსთაველთან/>

¹²³ ჯოხაძე გ. სხეულის თავგადასავალი: ქართული ვერსია // სემიოტიკა. 2010. აგვისტო 13. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/13/გია-ჯოხაძე-სხეულის-თავგა-2/>

¹²⁴ ჰოპიაშვილი ნ. ავტორი, როგორც მედიუმი: გერტ რობერტ გრიუნერტი და ცირა ბარბაქაძე // სემიოტიკა. 2018. იანვარი 16. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2018/01/16/ნინო-ჰოპიაშვილი-ავტორი-რ/>

поиски их западных коллег. Кроме этого на протяжении 2010-х годов среди грузинских авторов росла уверенность не только в переходном характере социального и культурного времени, но и его определенной кризисности. Саломея Бурдули в своем романе «Нонсенс», который символически отражает и актуализирует колебания и поиски грузинских интеллектуалов, отразила ситуацию замены одного культурного времени другим: «дует ветер и начинается апокалипсис... Я убил своего отца, который стоял у реки, слушая шепот мертвых»¹²⁵, показав разрыв между различными поколениями грузин как носителями разных версий грузинской национальной и культурной идентичности.

Комментируя особенности ситуации, Гиа Джохадзе указывает на то, что среднестатистический грузинский интеллектуал, который считает себя современным и западным, склонен использовать методологический инструментарий постмодерна, который «зародился в исторической науке под влиянием лингвистики или как подражание литературоведению. Устав от марксизма и структурализма, интеллектуалы стремились освободить творческую индивидуальность от детерминизма тысячи сторонних суждений. Сторонники этого направления поставили под сомнение понимание исторической правды, некоторые вообще не рассматривали этот вопрос как предмет достойный обсуждения. Их логика была следующей: историк, подобно писателю и поэту, создает исторический текст, который является не более чем нарративным дискурсом, историей, достойной выдумки, нарративом, подчиняющимся законам риторики. Любая версия истории имеет равное право на существование; более того, она не выражает историческую правду... нарратив не претендует на это»¹²⁶. Поэтому Заза Бурчуладзе как писатель выступил в качестве конструктора текстов, сборщика дискурса, который не претендует на реалистическое отражение реальности, будучи лишь одним из многочисленных конструкторов, фактически – симулякр и имитацией грузинской действительности.

Роман стал литературной фикцией и фактически не имеет ничего общего с грузинскими культурными, политическими и обыденными реалиями, но текст воспринимается как реальный, потому что грузинское общество существует и развивается как общество изобретённых традиций. Тексты З. Бурчуладзе и его современников делают актуальным сравнение Иракли Колбаи литературы с

¹²⁵ В оригинальном источнике: «ამოვარდება ქარი და დაიწყება აპოკალიფსი... მე მოვკალი მამაჩემი, რომელიც მდინარის პირას იდგა და ისმენდა მიცვალებულთა ჩურჩულს» («amovardeba kari da daits'q'eba ap'ok'alipsi... me movk'ali mamačemi, romelits mdinaris p'iras idga da ismenda mitsvalebulta čurčuls»). См.: **ბურდული ს.** ნაწყვეტი რომანიდან, "ნონსენსი" // აფინაჟი. 2020. თებერვალი 2. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/297--.html>

¹²⁶ **ჯოხაძე გ.** სათაურის სემიოტიკა ქართულ ისტორიულ ნარატივში // სემიოტიკა. 2012. აპრილი 21. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/04/21/გია-ჯოხაძე-სათაურის-სემი/>

«жевательной резинкой без сахара»¹²⁷ в силу того, что постмодерн фактически стал попыткой ревизии мифов и идеологием более ранней грузинской литературы. Несмотря на стремление расстаться с игрой, игровой, смеховой культурой как формами существования грузинской идентичности Заза Бурчуладзе, с одной стороны, фактически сам играет различными формами грузинской идентичности. С другой стороны, Заза Бурчуладзе, несмотря на свои попытки актуализировать новые тенденции в изобретенных традициях грузинской идентичности, не предлагает ничего принципиально нового, потому не возвращает героев в «золотой век» национальной этнической романтической утопии, но безжалостно бросает их в мир новых постнациональных изобретенных традиций, где рынок является одновременно основной изобретенной традицией и коллективным объектом поклонения.

Тексты 3. Бурчуладзе – проекция грузинского постмодернизма, которая актуализирует большинство родовых травм этого явления к культуре Грузии. Комментируя особенности постмодернизма, грузинскими авторами признается то, что «постмодернизм во многом стал реакцией интеллектуалов на идеологию Просвещения, поэтому его часто называют идеологией постпросвещения. Классический тип рациональности был заменен постмодернизмом, радикальной гетерогенностью, постоянной дифференциацией, отрицанием всего порядка и выражением формы с всеобъемлющим детерминизмом и обожествлением ума»¹²⁸. Если последнее в прозе 3. Бурчуладзе сомнительно и дискуссионно, то стремление внедрить радикальную гетерогенность явно прослеживается.

Роман генетически связан с другими текстами грузинской литературы которые стали классическими, потому что автор продолжает изобретать и воображать новые политические традиции. Роман стал романом-деконструкцией потому, что автор деконструировал классические мифы грузинской идентичности как изобретенной традиции, которые стали архаичными и не смогли более противостоять новым конкурентам, но деконструкция архаичных изобретенных традиций стимулирует Заза Бурчуладзе изобретать новые политические традиции. Литература как изобретенная традиция в этом контексте неизбежно актуализирует свои функции как еще одной фабрики идентичности и идей, которая воспроизводит новые смыслы, в свою очередь, имитирующие и симулирующие идентичности. Роман в этом интеллектуальном контексте стал еще одной грузинской попыткой

¹²⁷ ყოლბაია ი. Paradis artificiel (პატარა პროზა ზურა ჯიშკარიანის რომანისთვის) // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2018. მარტი 17. URL.: <https://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1499>

¹²⁸ ქოიავა რ. ისტორიული მეცნიერება პოსტმოდერნის ეპოქაში // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2014. დეკემბერი 19. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1198>

изобретения традиции в литературе через поиск возможности примирить традиционное и модерное, архаическое и современное в грузинской идентичности.

Грузинские интеллектуалы между универсалиями национализма и культуры. Грузинская советская интеллигенция имела все шансы стать активным политическим классом в конце 1980-х и в начале 1990-х годов несмотря на то, что она мало отличалась от других формально национальных и фактически советизированных интеллигенций в союзных республиках потому, что, как полагает Нино Пирцхалава, «грузинская интеллигенция как некий социальный, внешний количественный феномен в своей структуре, внутренней и внешней организации соответствовала советскому образцу»¹²⁹. Поздняя советская и ранняя пост-советская Грузия принадлежали к числу тех стран, где интеллектуалы получили контроль над властью, но фактически это оказалось только идеалистической иллюзией, потому что бывшая партийная коммунистическая бюрократия использовала все доступные ресурсы чтобы отстранить интеллектуалов от власти. Звиад Гамсахурдия¹³⁰, как Абульфаз Эльчибей в Азербайджане и Левон Тер-Петросян в Армении, не смогли эффективно использовать и контролировать властные политические ресурсы и уступили их формально профессиональным политикам, которые получили государственный опыт в советский период.

Российский критик и философ Гасан Гусейнов¹³¹ полагает, что интеллектуалы, которые получают политическую власть, могут быть опасны для общества, но интеллектуалы в национальном или динамично национализирующемся государстве всегда становятся преданными слугами, представителями, политическими агентами, рупорами той нации, к которой они принадлежат, или нации, активно ими же воображаемой и изобретаемой. Пришествие националистически мыслящих интеллектуалов во власть в начале 1990-х было следствием исторических и культурных особенностей развития грузинского национализма и местного политического класса. Грузинские писатели в 1930-е осознали опасность пассивности интеллигенции. Поэтому Николоз Мицишвили вынуждено констатировал что «когда обращаюсь к нашей истории, то не нахожу в ней высшего смысла, “божественной руки”. Все наше существование – ирония судьбы, насмешка провидения. В каждом из нас сосуществуют – лев и блоха, дьявол и ангел, талант и напыщенная самонадеянность.

¹²⁹ Пирцхалава Н. Интеллектуалы и национальная принадлежность. Являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Том 1. Центральная Азия и Кавказ / Б. Коппитец, А. Малашенко, Дм. Тренин. М.: Весь мир, 1997. URL.: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/pirtshalava.htm>

¹³⁰ გამსახურდია ზ. საქართველოს სულიერი მისია. თბილისი: განათლება, 1990. 112 გვ.; გამსახურდია ზ. "აღრმე ქართველო ერო!" ზვიად გამსახურდიას გამონათქვამები. თბილისი: ძმობა "გრაალის მცველნი", 2000. 40გვ.

¹³¹ Гусейнов Г. Интеллектуал не может нравиться обществу // Гефтер. 2012. 29 апреля. URL.: <http://gefter.ru/archive/2866>

Прошлое не представляется целостным, монолитным, оно наспех скроено и неряшливо склеено, мозаично разбросано по кусочкам, утрачено. В истории Грузии я не нахожу главного стержня, позвоночника грузинской идеи, мысли... Возможно, высший смысл, спасение и оправдание Грузии в христианстве, кресте, ради которых она постоянно разрубалась, разрывалась со всех сторон, раздиралась на части. Но ведь крест должен был осенить миром, святостью, принести благословение. Где же это благословение? Неужели вся наша трагическая, горькая и кровавая история – благодать? Неужели за две тысячи лет мощь и сила этого креста не смогли вызвать к жизни, породить явления, судьбоносного для Грузии, явления, определившего бы ее особое призвание, предначертание, идею? Неужели Грузия навсегда утратила "светлый, животворящий столп, осеняющий путь каждого народа к новому слову и творчеству"?!... Грузия – явление пассивное. Ее энергии, обусловленной внешними факторами (энергии червяка, раздавленного ногой), всегда недоставало внутренней активности, а следовательно, и творческого гения. В результате она оказалась вне высшего и справедливого суда, лишилась общечеловеческого сочувствия и оправдания, собственной религии, признания, мысли, содержания...»¹³².

Советизация Грузии еще более усугубила эти психологические и культурные травмы грузинского интеллектуального класса. Советизация интеллигенции актуализировала ее сервилистские функции, превратив интеллектуальные сообщества в институт идентичности. Советизация Грузии привела к тому, что в Грузии возникла профессиональная интеллигенция, которая охотно и вдохновенно легитимировала режим, воображала нацию и изобретала историю. Грузинские интеллектуалы наивно и идеалистически верили, что они развивают национальную идентичность, но фактически они культивировали миф. Триумф этноцентричного национального мифа одновременно вдохновил, с одной стороны, рост грузинского национализма и его радикализацию и, с другой, фактически санкционировал закрепощение и порабощение грузинской интеллигенции, которая понимала, что она зависима от власти и не может предложить никакой альтернативной модели существования интеллектуального класса.

Советский режим жестко, жестоко и решительно приручил грузинскую интеллигенцию и лишил ее возможность влиять на решения властей. Поэтому грузинская интеллигенция была изгнана и депортирована из политического пространства в пространства научные

¹³² **Робакидзе Г.** Стержень Грузии. В ответ на статью Н.Мицишвили «Думы о Грузии» // Дружба народов. 2004. № 3. URL.: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/3/robak20.html>

и культурные – в своеобразные академические гетто и резервации, представленные Академией Наук, академическими институтами и творческими союзами. Эта интеллектуальная эмиграция, как Нино Пирцхалава определила, в «царство фантазии и героического фольклора»¹³³ содействовала тому, что грузинские интеллектуалы превратились в «неких мифотворцев и лишь трагикомичная гримаса доморощенного тоталитарного режима националистического толка отрезвила интеллектуалов, которые блаженно пребывали в царстве грез, вытолкнула их из этого волшебного царства своей истории, населенного сплошь мудрыми царями и царицами, а также благородными и отважными рыцарями... интеллектуалы вскоре поняли, что подобное мифотворчество отнюдь не являлось безобидной забавой»¹³⁴. Заал Андрионикашвили и Гиорги Майсурадзе, развивая эти предположения 1990-х годов, предположили спустя десятилетие, что «политический проект независимости, таким образом, основывается в первую очередь на возвращении в историю – не в смысле активной социальной и политической деятельности в своем государстве или трудной и конфликтной работы памяти, а в смысле восстановления идеализированной грузинской средневековой государственности (национально-секулярной версии мифа о райском состоянии до грехопадения). Такая картина мира совершенно не подразумевает модернизацию, со всеми ее проблемами и реальными коллизиями. Именно в этом пространстве рождается гомеостатическое общество, направленное на сохранение определенного состояния и не допускающее от него отклонений»¹³⁵. Доминирование подобных настроений и идеализированных представлений о прошлом и национальной истории в грузинском обществе актуализировало фактически его неготовность одновременно к радикальной политической модернизации и решительным демократическим реформам потому, что социальные и культурные институты, ответственные за развитие идентичности и интеллектуалы, втянутые в процессы производства смыслов и их символический экспорт в концепт грузинской политической нации, были более активны в мифотворчестве, чем в реальной демократизации общества.

¹³³ Пирцхалава Н. Интеллектуалы и национальная принадлежность. являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Том 1. Центральная Азия и Кавказ / Б. Коппитерс, А. Малашенко, Дм. Тренин. М.: Весь мир, 1997. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/pirtshalava.htm>

¹³⁴ Пирцхалава Н. Интеллектуалы и национальная принадлежность. являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Том 1. Центральная Азия и Кавказ / Б. Коппитерс, А. Малашенко, Дм. Тренин. М.: Весь мир, 1997. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/pirtshalava.htm>

¹³⁵ Андрионикашвили З. Слава бессилия. Мартирологическая парадигма грузинской политической теологии // Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства / ред. А. Семенов. М.: Новое издательство, 2012. URL: <https://history.wikireading.ru/196855>; Андрионикашвили З., Майсурадзе Г. Грузия-1990: филологема независимости, или Неизвлеченный опыт // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/an10.html>

Мифотворчество грузинской интеллигенции, которая мутировала в гетерогенные интеллектуальные сообщества фактически стало еще одним институтом идентичности, и автор полагает что миф как институт оказался более адаптивным, чем формальные институты идентичности, включая среднюю школу и университеты, которые, образовывая и воспитывая новые поколения, содействовали тому, чтобы идентичность стала массовым продуктом. Миф как институт идентичности адаптировался к требованиям советской коммунистической доктрины, романтизированного и этнизированного национализма ранней независимой Грузии, имитативной демократии Эдуарда Шеварднадзе и политическим режимам его приемников. Степень понимания этого факта была различной, эффект от попыток изменить ситуацию был поверхностным потому, что вчерашние грузинские интеллигенты, которые стали интеллектуалами независимой Грузии, начали делать то, что они умели лучше всего – дискутировать друг с другом и по ходу общественных дебатов отбрасывать одни мифы, заменяя / подменяя их другими.

Грузинские интеллектуалы относительно быстро оправились от моральных травм и последствий гражданского конфликта, решив, что изобретение и воображение новых мифов и смыслов для идентичности станет лучшим способом консолидации нации. Политическая динамика пост-советской Грузии содействовала расколу мыслящего класса на «старую интеллигенцию» и «новых интеллектуалов»¹³⁶ несмотря на то, что границы между этими социальными и культурными категориями крайне условны и воображаемы. «Старые» грузинские интеллигенты в 1990 и 2000-е были вынуждены ютиться в традиционных академических учреждениях (Академия наук, университеты) и творческих союзах (Союз писателей и т.д.), которые Грузия унаследовала от СССР. «Новые» интеллектуалы в отличие от «старых» предпочитают «неправительственные организации» или новые независимые медиа, базировавшиеся на рыночных принципах.

Некоторые авторы используют понятие «маргинальные интеллектуалы»¹³⁷, но оно не описывает весь спектр социальных и культурных противоречий среди грузинского гетерогенного мыслящего класса, потому что признаки и характеристики маргинальности являются чрезвычайно субъективными, а идеологически ангажированные интеллектуалы используют их как политический ярлык для критики своих оппонентов. Доминирование этих настроений

¹³⁶ Шатиришвили З. "Старая" интеллигенция и "новые" интеллектуалы: грузинский опыт // Неприкосновенный запас. 2003. № 1(27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/shati.html>

¹³⁷ მარგინალი ინტელექტუალები = marginali int'elekt'ualebi = маргинальные интеллектуалы. См. подробнее: მეტრეველი თ. ვინ არიან ინტელექტუალები? // ტაბულა. 2014. მაისი 14. URL: <https://tabula.ge/ge/story/83223-vin-arian-intelektualebi>

предопределило то, что грузинские интеллектуалы оказались жертвами и заложниками меланхолии и продолжительной политической и идеологической депрессии – образ «сантехника меланхолии»¹³⁸ в этом интеллектуальном контексте возник даже в грузинской поэзии в то время как другие интеллектуалы ставят неприятный диагноз современному обществу, больному «депрессией, сопровождающейся растущей грустью»¹³⁹. Мотивы депрессии и безысходности вошли в число центральных в размышлениях грузинских интеллектуалов настолько глубоко, что они начали воображать несчастье как естественное состояние¹⁴⁰. Мотивы «города» и «пещеры»¹⁴¹ стали универсалиями грузинской политической культуры и национальной идентичности, которая коренится во взаимно исключающих мифах пещеры как оплота христианской добродетели и морали и города как мотора социальных и культурных перемен, модернизация и трансформаций.

Одновременное сосуществование этих мотивов с чувством неопределенности привело к тому, что мотивы и образы «дороги» и «пути»¹⁴² стали одними из центральных в грузинской идентичности, потому что актуализируют общую незавершенность национального и политического строительства в стране, которая в отличие от других пост-социалистических стран продолжает оставаться в стадии перехода к демократии. Грузинские мотивы неопределенных траекторий движения актуализируют многочисленные проблемы и противоречия государства, которое отринуло коммунизм, решительно оставив его в прошлом, но этап посткоммунизма оказался непреодолимым препятствием для грузинских интеллектуальных сообществ и политических элит. Грузинские интеллектуалы ощущали острое чувство одиночества в советский период, потому что грузинская культура сохранила значительную степень свободы и внутренней независимости и общая тональность грузинской советской культуры отличалась от других национальных культур.

Рассмотренные выше образы не являются единственными коллективными мифологемами, изобретенными грузинскими националистами. Грузинские интеллектуалы стали авторами нескольких изобретённых традиций, включая гранд-нарративы страны,

¹³⁸ იათაშვილი შ. სანტექნიკოსების სევდა // არილი. 2016. აგვისტო 29. URL.: <http://arilimag.ge/შოთა-იათაშვილი-სანტექნიკოსების-სევდა/>

¹³⁹ ზივზივაძე მ. საზრისული ძიებისათვის // აფინაჟი. 2019. აპრილი 30. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/26---.html>

¹⁴⁰ ჩიღვინაძე ა. უაზრო სიტუაციების გმირის ინსტრუქციები // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, ჰორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2011. აპრილი 19. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=707>

¹⁴¹ ქალაქი = kalaki = город; გამოქვაბული = gamokvabuli = пещера. См.: თავდგირიძე ხ. ქალაქი და გამოქვაბული // სემიოტიკა. 2016. 29 თებერვალი. URL.: <http://semioticsjournal.wordpress.com/2016/02/29/ხათუნა-თავდგირიძე-ქალაქი-გამოქვაბული/>

¹⁴² გზის = gzis; გზა = gza (путь; дорога). См.: მილორაზა ი. გზის სივრცული მოდელი მოდერნისტულ ტექსტში // სემიოტიკა, 2013, 12 ნომბერი. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/category/ენისა-და-ლიტერატურის-სემიოტიკა/>

отчизны, свободы и независимости¹⁴³. Эти изобретенные традиции являются крайне разнообразными и актуализируют различные формы и измерения национальной и культурной идентичности грузинской нации как этнической общности и политического тела. Нарративы "город" и "пещера" принадлежат к числу элементов архаичного наследия в современной грузинской идентичности и актуализируют преимущественно религиозные компоненты национального самосознания. Концепты "город" и "пещера" стали следствием развития книжной христианской культуры и традиции мученичества, монашества и подвижничества. Они позволяют включать грузинскую идентичность в более широкий контекст западной христианской политической традиции.

Эти концепты были среди наиболее влиятельных в традиционной домодерной грузинской идентичности, но их значение и роль стремительно и резко сократились в 19 и 20 веках, особенно в советский период, когда Грузия стала жертвой принудительной модернизации, которая вдохновила секуляризацию грузинского общества. Политическая и социальная динамика 20 века содействовала одновременно стремительной архаизации и десакрализации концептов "города" и "пещеры" в грузинской идентичности несмотря на то, что Грузия смогла сохранить больше формальных атрибутов христианства в географическом пространстве республики, чем остальные части советской империи. Поэтому упомянутые выше концепты от «страны» до «воли» стали фактически позднейшими конструктами в грузинской идентичности и вторичными рефлексиями относительно чуждого политического опыта.

Тем не менее, грузинский политический национализм и гражданский активизм вдохновил их появление в общественном, политическом и интеллектуальном дискурсах Грузии. Эти изобретенные традиции имели преимущественно инструменталистское предназначение и прикладной характер потому что националисты и прочие политики использовали их для описания политических изменений и трансформаций, а также их легитимации. Концепты «страна», «отчизна», «свобода», «независимость» возникли как результат усилий грузинских националистов утвердить примат политического в грузинском национализме. Постепенно концепт «свобода» в грузинской идентичности становится все более политическим и гражданским – в частности, в Заявлении Политического Союза «Грузинская Мечта - Демократическая Грузия», сделанном 20 июня 2020 года, подчеркивалось, что «свобода – это прежде всего

¹⁴³ ქვეყანა = kveq'ana = страна; სამშობლო = samšoblo = отчизна; თავისუფლება = tavisupleba = свобода; დამოუკიდებლობა = damouk'idebloba = независимость.

большая ответственность»¹⁴⁴. К середине 2010-х годов в воображении грузинского национализма, вероятно, состоялся конструктивистский поворот и представители культурного течения в национализме¹⁴⁵, сами будучи интеллектуалами-гуманитариями, стали описывать мир политического как пространства социальных и культурных конструкторов – от Матери Картли до памятников св. Гиორგი¹⁴⁶, хотя некоторыми авторами, склонными к радикальной эпистемологии, все же признается, что попытки использовать городские пространства для «создания памятника классическому дискурсу провалилась»¹⁴⁷.

Эти нарративы описывают преимущественно светские политические добродетели грузинского государственного проекта потому что стали следствием трансплантации идей вдохновленных западными буржуазными революциями и триумфом политического национализма в интеллектуальное грузинское пространство. Эти изобретенные традиции вдохновили появление новых политических мифов, которые оказались больше востребованы в период после того как Грузия восстановила свою государственную и политическую независимость. Эти дефиниции утратили свой абстрактный характер в 1990-е годы, потому что «თავისუფლება» (свобода) и «დამოუკიდებლობა» (независимость) были только словарными статьями и отвлеченными абстракциями в словарях грузинского языка несколькими годами ранее, когда Грузия была одной из советских республик. Грузинский национализм в этих интеллектуальных контекстах постепенно трансформировался из исключительно политического и идеологического явления в факт социальной медицинской ситуации современного грузинского общества потому что националистический дискурс актуализирует одновременно признаки социальной паранойи и культурной шизофрении. Джордж Оруэлл, английский писатель, полагал что национализм актуализирует три состояния, включая одержимость, нестабильность и безразличие к реальности¹⁴⁸.

Российские историки полагают что «символический мир инновационной группы принципиально открыт и антидогматичен,

¹⁴⁴ პოლიტიკური გაერთიანება „ქართული ოცნება - დემოკრატიული საქართველოს“ განცხადება // ქართული ოცნება - დემოკრატიული საქართველო. 2020. ივნისი 20. URL.: <http://41.ge/new/865-politikuri-gaertianeba-gartuli-ocneba-demokratiuli-sagartvelos-ganckhadeba>

¹⁴⁵ აბლოთია ნ. ქალაქი და ნიშნები. “ქართლის დედას” სემიოტიკა // სემიოტიკა. 2015. აგვისტო 3. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/03/ნანა-აბლოთია-ქალაქი-და-ნიშნები/>

¹⁴⁶ როსტომიშვილი თ. ქალაქის სემიოტიკა: წმინდა გიორგის მონუმენტი // სემიოტიკა. 2015. აგვისტო 8. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/08/თეა-როსტომიშვილი-ქალაქის-სემიოტიკა-წმინდა-გიორგის-მონუმენტი/>

¹⁴⁷ ყალბაგაშვილი ნ. ქართლის დედა - მსგავსება-დადასტურების მიღმა დარჩენილი სეპარატიზმი // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლემი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. დეკემბერი 12. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1307>

¹⁴⁸ Orwell G. Notes on Nationalism // Polemic. 1945. May

антиавторитарен»¹⁴⁹, но история грузинского интеллектуального сообщества наоборот актуализирует тенденции замкнутости и склонности к догматическому мышлению, активному участию в воображении и изобретении новых политических и национальных мифов, но эти три особенности стали причинами неустойчивого и нестабильного положения интеллектуалов в современном мире, где они превращаются в образованных маргиналов. Эдвард Саид, комментируя эту ситуацию писал, что «в интеллектуалах есть всегда некоторая фундаментальная незащищенность: у них нет ни места службы, которое их бы защитило, ни территории, на которой можно было бы собраться и обороняться, им больше идет к лицу самоирония, а не помпезность, прямота, а не ворчание и бормотание. Но никогда не уйти от неизбежности реального, и поэтому эти представления интеллектуалов вызовут только вражду к ним наверху, и официальные почести пройдут мимо них. Их положение – всегда одиночество»¹⁵⁰.

С одной стороны, дискурс современного грузинского национализма функционирует как воспроизводство новых смыслов или ревизия старых смыслов которые стали сверхценными идеями в грузинском национализме потому что националистически мыслящие грузинские интеллигенты в 20 веке идеализировали их, а современные грузинские интеллектуалы канонизировали и мифологизировали наследие своих политических предшественников. С другой стороны, националистический дискурс программирует мышление граждан которые принадлежат к нации, воображаемой и изобретаемой национализмом. Эта особенность националистического дискурса актуализирует измерение национализма как сознательно спланированного и «запрограммированного ответа»¹⁵¹ угрозам архаизации и радикальной модернизации в форме глобализации одновременно. Грузинское общество столкнулось с проблемами когда оно попыталось расстаться с образами и символами Сталина¹⁵², воображенного как самый великий грузин XX века. Расставание с наследием эпохи Сталина было очень долгим и затянулось до начала 2010 пока памятник советского лидера был демонтирован в Гори и перемещен в его дом-музей, что дало возможность некоторым грузинским интеллектуалам указывать на неактуальность «сталинского нарратива» и на большую популярность Сталина в России, нежели в Грузии¹⁵³.

¹⁴⁹ Дубин Л., Гудков Б. Европейский интеллектуал: попытка апологии субъективности // ПостНаука. 2014. 13 января. URL.: <https://postnauka.ru/longreads/22471>

¹⁵⁰ Said E.W. Representations of the Intellectual. New York: Pantheon, 1994. P. 11.

¹⁵¹ Тесля А. Национализм: консервативная критика // Гефтер. 2014. 13 января. URL.: <http://gefeter.ru/archive/11050>

¹⁵² Nodia G. Goodbye Stalin // Radio Europa Liberă. 2010. 01 iulie

¹⁵³ ავალიანი ზ. ქართული სტალინიზმი და ანტისტალინიზმი XXI საუკუნეში // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2016. მაისი 14. URL.: <http://european.ge/stalinizmi-da-anti-stalinizmi-dges/>

Попытки грузинского интеллектуального сообщества подвергнуть ревизии образ Сталина не привели к его деконструкции из национальной культурной и исторической памяти, но, наоборот, вдохновили попытки его интеграции в новые культурные контексты и пространства эпохи пост-пост-модерна. Поэтому наряду с политически и идеологически мотивированным коммунистическим или антикоммунистическим образом Сталина в грузинской культуре к концу 2010-х годов возник качественно другой Сталин – Сталин как философ, интегрированный в канон западной философии, сравниваемый с Ницше и воспринимаемый как продолжатель Гегеля. Некоторые авторы и вовсе проводят параллели между сталинскими идеями и концептами К. Ясперса и М. Хайдеггера¹⁵⁴.

Снос советских памятников имел символическое значение в контексте борьбы с советским политическим и идеологическим наследием. Власти независимой Грузии демонтировали сначала памятники Серго Орджоникидзе который внес значительный вклад в советизацию Грузии несмотря на то, что был этническим грузином. Памятники Ленину были демонтированы позднее как этнически и идеологически чуждые монументы советской эпохи. Демонтаж памятника Сталину в 2010 году доказал, что идеи национальной государственности, свободы и независимости эмоционально стали более важными и привлекательными для грузинских граждан. Реставрация политической независимости не отменила чувство культурного и интеллектуального одиночества, что предопределило попытки грузинских интеллектуалов¹⁵⁵ найти ментально родственные культуры в европейском контексте.

Интеллектуальный дискурс в Грузии развивается интенсивно, интеллектуальные пространства очень гетерогенны и аморфны¹⁵⁶, что вынуждает грузинских интеллектуалов признавать отсутствие общих тенденций в развитии литературы и кино которые в советский период были основными средствами формирования привлекательного образа страны во внешнем мире и укрепляли ее репутацию как оазиса европейской культуры и свободы в недемократическом СССР. Грузинские интеллектуалы в 20 веке мифологизировали идентичность и их наследники 21 века получили несколько чрезвычайно устойчивых мифов о великой грузинской культуре и литературе как оплоте национальной идентичности. Поэтому грузинская интеллигенция очень мучительно и болезненно расстаётся со старыми стереотипами и

¹⁵⁴ კუხალეიშვილი გ. ნათელი და ბნელი ლოგოსის ურთიერთმიმართების საკითხისათვის // აფინაჟი. 2020. აპრილი 25. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/392--html>

¹⁵⁵ ხარბელაძე მ. ნავი და ხურდა – ბასკური დღიურები // არილი. 2017. იანვარს 5. URL.: <http://arilimag.ge/მალხაზ-ხარბელაძე-ნავი-და/>

¹⁵⁶ მრგვალი მაგიდა: XXI საუკუნის ქართული რომანი // არილი. 2011. იანვარი 20. URL.: <http://arilimag.ge/მრგვალი-მაგიდა-xxi-საუკუნის/>

коллективными идеями. Любые попытки пересмотреть старые идеи воспринимаются как национальная измена и попытка покушения на национальный миф и культурные устои и основания нации. Поэтому упомянутая выше попытка Гиа Нодиа усомниться в исключительной статусности Константине Гамсахурдиа как исключительного классика¹⁵⁷, осталась практически незамеченной потому, что общество предпочло ее проигнорировать.

Грузинские интеллектуалы в этой культурной атмосфере пытаются игнорировать эту проблему и, поэтому, альтернативные точки зрения крайне редки. Грузинские интеллектуалы очень медленно демонтируют старые стереотипы и не могут расстаться со стандартным пантеоном отцов-основателей современной грузинской нации. Эти чувства сосуществуют с страхами «пост-апокалиптические зомби»¹⁵⁸ потому что грузинское общество, где некоторые граждане ностальгически вспоминают советскую эру, не смогло изжить страхи реставрации коммунизма. Чувство депрессии¹⁵⁹, осознание угрозы ассимиляции в динамично глобализирующемся мире, где «Родина одна, мыслящая и думающая, а земля требует от нас, чтобы мы стали стеной на защиту нации»¹⁶⁰, и коллективные фобии, институционализированные в феномене коллективной национальной меланхолии и мифа тоскующей нации, стали системными характеристиками грузинской современной интеллигенции и культурной элиты. Расставание и прощание с прошлым и неприятным тоталитарным опытом¹⁶¹ и наследием породило интеллектуальные травмы среди представителей грузинского интеллектуального сообщества. Доминирование коллективных страхов предопределило существование грузинской интеллигенции в закрытой модели развития, потому что грузинские интеллектуалы тщательно стремятся избегать острых и неприятных тем и проблем, включая войну¹⁶², гражданские конфликты, социальные проблемы, клерикализацию общества¹⁶³.

В целом грузинские авторы¹⁶⁴ признают что интеллектуальные пространства современной Грузии есть очень гетерогенны и внутренне

¹⁵⁷ ნოდია გ. კონსტანტინე გამსახურდია რატომ ითვლება დიდ მწერლად, საერთოდ არ მესმის // პრესა.ge. 2015. აგვისტო 14. URL.: <http://presa.ge/new/?m=society&AID=36865>

¹⁵⁸ ზარქუა ჯ. მკითხველის მოთვინიერება // არილი. 2010. ნომბერი 5. URL.: http://arilimag.ge/მკითხველის_მოთვინიერება

¹⁵⁹ ლომიძე გ. წარსულის ტრანსფორმაციის კატარზისული ეფექტი // არილი. 2015. მაისი 15. URL.: http://arilimag.ge/წარსულის_ტრანსფორმაციის_კატარზისული_ეფექტი; კაკალიძე გ. გურული დღიურები. თბილისი: სიესტა, 2014.

¹⁶⁰ В тексте оригинала: «სამშობლო ერთია, ფიქრი და ფიქრია, მიწა მთხოვნელია - ერის კედელია...» («samšoblo ertia, pikri da pikria, mits'a mtkhovnelia - eris k'edelia»). См.: მეფარიშვილი გ. უსასრულობა სასრულებამდე // აფინაჟი. 2020. მაისი 2. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/399--html>

¹⁶¹ ხარბელია მ. ტოტალიტარიზმი და ლიტერატურული დისკურსი // არილი. 2011. მარტი 25. URL.: http://arilimag.ge/ტოტალიტარიზმი_და_ლიტერატურული_დისკურსი

¹⁶² ხარბელია მ. პირველი ქართული სამხედრო რომანი // არილი. 2011. ივნისი 26. URL.: http://arilimag.ge/ხარბელია_პირველი_ქართული_სამხედრო_რომანი

¹⁶³ ნინიძე ქ. Versus ანუ მოქცევა // არილი. 2014. ივლისი 7. URL.: http://arilimag.ge/ნინიძე_versus_ანუ_მოქცევა

¹⁶⁴ კაკაბაძე ნ. კონიუნქტურის ტყვეობაში // ცხელი შოკოლადი. 2008. № 43. ნომბერი

неоднородны¹⁶⁵. Термин წითელი ინტელიგენციის (ts'iteli int'elighentsia = красная интеллигенция) генетически связан с მარგინალი ინტელექტუალები (marginali int'elekt'ualebi = маргинальные интеллектуалы) и даже исторически предшествует ему, но он имеет больше политический и идеологический характер потому, что некоторые грузинские авторы используют его для демонизации старой интеллигенции. Леван Джавахишвили обвиняет старую интеллигенцию, определяемую им как «красная», в свержении Звиада Гамсахурдиа¹⁶⁶ и легитимации политического переворота¹⁶⁷. Грузинская интеллигенция в СССР и грузинские интеллектуалы в независимой Грузии никогда не знали, что такое политическая и культурная свобода¹⁶⁸, а степень их влияния была очень различной. Именно поэтому Яго Хвичиа¹⁶⁹ полагает, что не более одного процента грузинских граждан понимает и воспринимает идеи либеральной интеллигенции, а попытки освобождения и отказа от авторитарного и тоталитарного советского наследия были не очень успешны, потому что грузинские интеллектуалы предпочитали делать это академически, сравнивая германский национал-социализм и советский сталинский большевизм¹⁷⁰ что было непонятно для остальных граждан которые не имели специальных знаний в истории авторитарного политического опыта 20 века.

Либеральные эксперименты в политике и пост-модернистские опыты в литературе оказались одинаково чуждыми и непонятными для значительного числа граждан независимой Грузии. Эти отторжения имели культурные и социальные основания, истоки и предпосылки, потому что грузинское общество, несмотря на все попытки принудительной экономической и социальной модернизации 20 века, продолжало оставаться традиционным и частично даже архаичным. Разделительная линия интеллектуального и культурного раскола между различными сегментами и культурными стратами грузинского

¹⁶⁵ მუბითიძე ვ. ევროპეიზაცია და ქართული პოლიტიკური აზროვნება (საქართველოს ევროპული იდენტობა. თბილისი: ტექ. უნ-ტი, 2013. 159 გვ.; დავითაშვილი ზ. ნაციონალიზმი და გლობალიზაცია. თბილისი: მეცნიერება, 2003. 446 გვ.

¹⁶⁶ ზვიად გამსახურდიადან ზვიად გამსახურდიამდე, 1991-1995. თბილისი: სამართლ. აღდგენის კავშირი "ხმა ერისა", 1995. 164გვ.; საქართველოს რესპუბლიკის პრეზიდენტი ზვიად გამსახურდია, 1992-1993. - თბილისი: ხმა ერისა, 1995. 50 გვ.; მარაძე გ. ზვიად გამსახურდიას სიკვდილი და დასაფლავება. თბილისი: სახალხო წიგნი, 1995. 133 გვ.; გამახარია ჯ. ზვიად გამსახურდიას პოლიტიკა აფხაზეთში (1990 – 1993 წწ.) / რედ. ვ. მირცხულავა. თბილისი: ლიკა, 2004. 28 გვ.; დლონტი ს. ზვიად გამსახურდიას ქრისტიანული მრწამსი: ცხოვრებისა და შემოქმედების მატიანე / რედ. დ. კოტორაშვილი. თბილისი, 2007. 328გვ.

¹⁶⁷ ჯავახიშვილი ლ. ზვიად გამსახურდიას იდეური მკვლევები - ინტელიგენცია // დრონი. 2010. ივნისი 9. URL: <https://droni.ge/?m=1&AID=518>

¹⁶⁸ მაისურაძე გ. ინტელექტუალები და ძალაუფლება // რადიო თავისუფლება. 2012. ივლისი 23. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-maisuradze-intellectuals/24654268.html>

¹⁶⁹ ხვიჩია ი. პერსონალური სწობი, ვუპის თედო და ქართველი ლიბერალები // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლემი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2011. აპრილი 19. URL: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=505>

¹⁷⁰ გაბელია ა. 'პოლიტიკის ესთეტიზაცია' და 'ესთეტიკის პოლიტიზაცია' // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლემი, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. თებერვალი 17. URL: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1352>

общества пролегал в их отношении к религии, в целом, и Православной Церкви, в частности. Тексты Заза Бурчуладзе «Instant Kafka» и «Минеральный джаз» актуализировали различные отношения к православию, которые варьировались от отрицания до высмеивания с элементами политической сатиры. Заза Бурчуладзе в своих текстах фактически актуализировал состояние культурного и интеллектуального раскола и смысловой фрагментации современного грузинского общества, где одни группы будут принимать и ассимилировать западные ценности, когда другие будут стремиться сохранить архаичные культурные и религиозные основания.

Замкнутые группы интеллектуалов Тбилиси в текстах Заза Бурчуладзе активно и успешно имитируют и симулируют западные культурные практики и стратегии потому, что их социальное и культурное поведение коренится в отрицании традиционных моделей. Герои прозы Заза Бурчуладзе нападают на старика в одном из парков Тбилиси и насильственно делают ему обрезание. Этот момент фактически актуализируют ритуальное обрезание современной пострелигиозной грузинской культуры потому, что олицетворяет акт расставания с прошлым, отказ от традиций и их решительную десакрализацию, но, вероятно, будет упрощением предполагать, что Заза Бурчуладзе намеренно и сознательно деконструируют (как и другие авторы, которые указывают на необходимость деконструкции если не классики, то наших представлений о ней¹⁷¹) основания классической грузинской идентичности в эпоху постмодерна, когда «все мозаично и фрагментарно... все переплетено: формы, содержание, жанры, особенно границы реальности и иллюзии. В общем, “нарушение границ” является признаком эпохи»¹⁷².

Отношение современных интеллектуалов к Церкви непростое и в ряде случаев они предпочитают прикрываться цитатой из рэп-культуры, вопрошая «Почему я ненавижу религию и люблю Христа»¹⁷³. Именно поэтому светское и постмодернистское послание сосуществуют в его прозе с попытками религиозного просвещения героев, которые позволяют себе некорректные и откровенно оскорбительные фразы о католикосе-патриархе, хотя несколькими годами ранее З. Бурчуладзе радикально предлагал, чтобы «Патриархат находился в вольере как

¹⁷¹ გოგაბერიშვილი (გორვანელი) ლ. დაკარგული კლასიკა // აფინაჟი. 2019. სექტემბერი 28. URL.: <https://apinazhi.ge/journal/38--html>

¹⁷² ბარბაქაძე ც., პოპიაშვილი ნ. დიאלოგი ლიტერატურაზე // სემიოტიკა. 2018. თებერვალი 17. URL.: <https://semioticsjournal.wordpress.com/2018/02/17/დიალოგი-ლიტერატურაზე-ცირ/>

¹⁷³ В тексте источника: «რატომ მძულს რელიგია და მიყვარს ქრისტი» («rat'om mdzuls religia da miq'vars krist'e»). См.: შამუგია ზ. რატომ მძულს რელიგია და მიყვარს ქრისტი, ანუ პოეზიის ჯასტინ ბიბერი // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2012. თებერვალი 3. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=873>

самый большой и опасный хищник»¹⁷⁴. Заза Бурчуладзе активно критикует Церковь, обвиняя ее в преследовании представителей сексуальных меньшинств¹⁷⁵, паразитизме, сексизме и отсутствии толерантности¹⁷⁶, и полагает что «грузинская церковь – это система, которая протухла изнутри... когда 80 процентов жителей страны – православные фундаменталисты, то очень стремно свободному человеку жить в таком пространстве... это общество день ото дня радикализуется... Наши попы, как бойцовские собаки, держат мертвой хваткой умы граждан... Если ты скажешь что-нибудь про патриарха, тебя запросто может кто-то избить. Когда я написал в своем романе "Растворимый Кафка" про груди патриарха, у меня возникли проблемы. На меня на улицах начинали ругаться. В такси у водителей иконы, в кабинетах у министров иконы, на каждом шагу все крестятся. Народ почти круглый год постится. Это какой-то коллективный галлюциноз. Я преподаю в Кавказской медиа-школе курс с симптоматичным названием "поп-механика". Среди молодых людей мне попадаются дико и тупо верующие. С ними трудно общаться - для них не только свобода слова, но и свобода тела закрыты. Как мы размножаемся, для меня вопрос»¹⁷⁷. Поэтому, некоторые умеренные националисты, склонные ориентироваться на традиционные ценности, скептически относятся к культуре постмодерна, полагая, что ее развитие в Грузии фактически создает угрозу денационализации¹⁷⁸.

Литературные тексты и политические смыслы, производимые и воспроизводимые грузинскими интеллектуалами, после того исторического поворотного момента, когда Грузия восстановила свою политическую независимость и суверенитет, оказались понятными для незначительного числа интеллектуалов. Грузинские интеллектуалы в независимой Грузии фактически прекратили и перестали воспроизводить смыслы для массового культурного потребления. Грузия в этом историческом контексте повторила интеллектуальный опыт других стран Запада, где интеллектуальные сообщества исторически формировались и развивались как думающие / мыслящие социальные и культурные меньшинства. Поэтому незнание в таком мире стало следствием негативной политической динамики, потому что

¹⁷⁴ В тексте источника: «პატრიარქია ვოლიერში მოსათავსებელი, როგორც ყველაზე დიდი და სამიში მტაცებელი» («p'at'riarkia volierši mosatavsebeli, rogoris q'velaze didi da sašiši mt'atsebeli»). См.: ბურჭულაძე ზ. სამთა გულები // რადიო თავისუფლება. 2015. ივლისი 8. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-zaza-burchuladze-samta-gulebi/27116551.html>

¹⁷⁵ ბურჭულაძე ზ. აქ და ახლა // რადიო თავისუფლება. 2012. ოქტომბერი 29. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/zaza-burchuladze-blog-here-and-now/24754431.html>

¹⁷⁶ ბურჭულაძე ზ. ბატერია // რადიო თავისუფლება. 2012. ნოემბერი 13. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/zaza-burchuladze-blog/24769665.html>

¹⁷⁷ Бурчуладзе З. Мы посреди нигде // Lenta.ru. 2012. 12 октября. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/10/12/zaza/>

¹⁷⁸ ქარუმიძე ზ. პოსტსაბჭოთა საქართველო და პოსტმოდერნიზმი // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2011. აგვისტო 17. URL: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=814>

ни советские интеллигенты, ни интеллектуалы независимой Грузии никогда не пытались стать независимыми и дистанцироваться от государства и политической власти. Несмотря на объективные различия между старой интеллигенцией и новыми интеллектуалами, эти культурные группы Грузии имеют много общего, включая: советские генетические корни и истоки, симбиоз интеллигенции и партийной номенклатуры, увлечение идеологией национализма и национальными патриотическими мифами, конформизм и умение адаптироваться к любому политическому режиму¹⁷⁹.

Грузинские авторы полагают что старая интеллигенция и новые интеллектуалы очень различные группы с диаметрально противоположными и даже взаимоисключающими экономическими, социальными, культурными предпочтениями, разными формами мышления, интеллектуальными тактиками и стратегиями. Старая интеллигенция и новые интеллектуалы обитают в разных социальных и культурных пространствах. Старая интеллигенция генетически связана с Эдуардом Шеварднадзе, но фактически она продолжает советские культурные и политические традиции потому, что второй президент Грузии был порождением и продуктом именно советской системы и партийной элиты. Новые интеллектуалы очень отличаются от старой интеллигенции в своих политических предпочтениях потому, что «революция роз»¹⁸⁰ и президент М. Саакашвили стали фактически теми факторами, которых вдохновили интеллектуалы и превратили их во влиятельную силу и фактор социальной и культурной жизни Грузии. При этом сами интеллектуалы в отношении режима М. Саакашвили далеки от оценочного единства¹⁸¹, указывая на то, что политик, который активно использовал идеи национализма, в том числе – и этнического, нашел поддержку в первую очередь со стороны либеральной части интеллектуалов. При этом некоторые левые критики ЕНД и М. Саакашвили периодически обращаются к универсальным ценностям этничности, памятуя об угрозах ее эрозии через потерю / утрату картвельства¹⁸², воспринимаемых как кризис традиционных картвельских форм и основания идентичности грузин.

Новые интеллектуалы и старая интеллигенция сознательно и намерено используют различные дефиниции: старая интеллигенция

¹⁷⁹ ინტელიგენტ-ინტელექტუალთა ყოფიერების აუტანელი სიმსუბუქე // არილი. 2009. ოქტომბერი 16. URL.: <http://arilimag.ge/ინტელიგენტ-ინტელექტუალთა-ყოფიერების-აუტანელი-სიმსუბუქე>

¹⁸⁰ სახელმწიფოებრიობა და უსაფრთხოება: საქართველო "ვარდების რევოლუციის" შემდეგ / რედ. ბ. კოპიტერსის, რ. ლეგვოდის. თბილისი: ამერიკული აკად. მშვიდობის, დემოკრატიისა და განვით. კავ. ინ-ტი, 2006. 536 გვ.

¹⁸¹ ავალიანი ზ. "ვარდისფერი ინტელიგენციის" დანაშაული და სასჯელი // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2018. იანვარი 15. URL.: <http://european.ge/vardisperi-intelightsiis-danashauli-da-sasjeli/>

¹⁸² ქართველობის წართმევა = kartvelobis ts'artmeva = потеря картвельства; ქართველობის დაკარგვა = kartvelobis dak'argva = утрата картвельства. См.: თადიაშვილი ქ. ქართველობის და საქართველოს კონსერვაციის (მენარჩუნების, დაცვის) პოლიტიკა // european.ge: ევროპული არჩევანი საქართველოსთვის. 2017. დეკემბერი 6. URL.: <http://european.ge/qartvelebis-dacvis-politika/>

использует понятие «интеллигенция», чтобы актуализировать свои исторические связи с грузинской интеллигенцией до-советской и советской эры. Новые интеллектуалы стремятся отвергать саму дефиницию «интеллигенция» потому что они воспринимают ее как советский политический и идеологический конструкт, проявление советского влияния. Дефиниция «тергдаლეულები»¹⁸³ еще применима к представителям старой интеллигенции, потому что они хорошо знакомы с европейским историческим и культурным опытом и российской культурой, которая была посредником в ассимиляции западных достижений в грузинской культуре. Несмотря на привлекательность американской политической культуры и традиции, грузинские СМИ менее активны в ее популяризации и предпочитают публиковать переводы европейских интеллектуалов и мыслителей, чем тексты их американских коллег¹⁸⁴. Современные грузинские интеллектуалы, разочарованные в обществе¹⁸⁵ и культуре безудержного потребления¹⁸⁶, успешно освоили, ассимилировали и интегрировали основные достижения западного гуманитарного знания в национальные грузинские контексты¹⁸⁷.

Несмотря на формальные отличия между различными историческими и культурными поколениями грузинских интеллектуалов, представители различных групп современной грузинской интеллигенции отрицают объективные закономерности знания и воспринимают научный универсализм в частности и саму идею знания в целом как социальные архаизмы унаследованные от эпохи Просвещения. Если грузинские интеллектуалы прошлого открывали Европу для себя¹⁸⁸ и изобретали идеальные образы Грузии для Европы, то современные грузинские интеллектуальные сообщества решительно сменили географические координаты своих культурных и политических предпочтений. Если идея Запада была максимально широкой для советской грузинской интеллигенции, которая тщательно изучала исторические аспекты грузино-европейских культурных связей,

¹⁸³ თერგდალეულები = tergdaleulebi = букв.: «испившие из Терека». См.: ჩხაიძე ი. ნაციონალიზმის მოდერნიზებული თეორია და ქართული ნაციონალური პროექტი ("თერგდალეულები") / რედ. ნინო ჩიქოვანი. თბილისი: ახალი აზრი, 2009. 128 გვ.

¹⁸⁴ ცხადაია გ. ინტერვიუ ბერნი სანდერსთან // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2015. ივლისი 28. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1238>

¹⁸⁵ ქოიავა რ. მომხმარებელი საზოგადოება // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2015. მარტი 18. URL.: <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1217>

¹⁸⁶ ხვიჩია ი. ძეძუები, ინტეგრაცია, ტრანქორიზაცია // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2011. მარტი 18. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=480>

¹⁸⁷ ქოიავა რ. ისტორიული მეცნიერება პოსტმოდერნის ეპოქაში // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2014. დეკემბერს 19. URL.: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1198>

¹⁸⁸ ხარბელაძე მ. "მოგზაურობა ევროპაში" – ტექსტის არქეოლოგიის მცდელობა // არილი. 2016. დეკემბერი 8. URL.: <http://arilimag.ge/ხარბელაძე-მოგზაურობა-ევროპაში>; ზარქუა ჯ. მენ – ნამყოფი ხარ საფრანგეთში? // არილი. 2015. იანვარი 20. URL.: <http://arilimag.ge/ზარქუა-მენ-ნამყოფი-ხარ-საფრანგეთში>

то современные грузинские интеллектуалы предпочли минимизировать концепт западного мира до северо-американского политического пространства. Новые интеллектуалы, в отличие от старой пост-советской интеллигенции, могут быть определены как «потомакдалеулеби»¹⁸⁹ потому, что приобщились таинств западной демократии через американскую культуру в то время, как роль российской в частности и даже европейской в целом, постепенно снижалась, хотя интерес к европейской культуре как западной был очень стабильным, оставаясь достаточно высоким.

Поэтому современные грузинские авторы стремятся интегрировать в национальный контекст теоретические размышления и достижения европейских интеллектуалов, включая классиков марксизма¹⁹⁰, переводя их тексты на грузинский. Попытки трансплантации европейского¹⁹¹, включая итальянский интеллектуальный опыт в грузинские контексты порождают некоторые курьезы коренящиеся в общих проамериканских симпатиях. Например Антонио Грамши¹⁹² был переведен на грузинский с английского минуя итальянский первоисточник, но это вовсе не означает что грузинские интеллектуалы завершили свои романтические отношения с Италией и итальянской культурой¹⁹³, потому что итальянские мотивы периодически становятся видимы в современном культурном пространстве Грузии. Грузинские интеллектуалы интересуются

¹⁸⁹ პოტომაკდალეულები = p'ot'omak'daleulebi = букв.: испившие из Потомака.

¹⁹⁰ მანძი თ. მაკულიტერატურა // არილი. 2016. სექტემბერი 25. URL: [//არილი.2014.ივლისს20.URL: \[//არილი.2014.იანვარი15.URL: \\[//არილი.2013.ნოემბერს25.URL: \\\[//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. 20 იანვარი. URL: \\\\[//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. 14 იანვარი. URL: \\\\\[//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. 18 იანვარი. URL: \\\\\\[//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. თებერვალი 23. URL: \\\\\\\[//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2017. მაისი 15. URL: \\\\\\\\[//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2013. სექტემბერს 25. URL: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1060>\\\\\\\\]\\\\\\\\(http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1392;ჟიჟეკი_ს._არ_შეგიჟვარდეთ_საკუთარი_თავი\\\\\\\\)\\\\\\\]\\\\\\\(http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1356;ფრომი_ე._მარქსიზმი, ფსიქოანალიზი_და_რეალობა\\\\\\\)\\\\\\]\\\\\\(http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1333;მარკუზე_პ._აგრესიულობა_მოწინავე_ინდუსტრიულ_საზოგადოებებში\\\\\\)\\\\\]\\\\\(http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1329;მარკუზე_პ._ძალადობის_და_რადიკალური_ოპოზიციის_პრობლემა\\\\\)\\\\]\\\\(http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1341;მარკუზე_პ._პიდეგერის_ანალიზი_იყო_ყალბი, არაქმმართველი\\\\)\\\]\\\(http://arilimag.ge/კითხვარი_თანამედროვე_ქართული_პროზა;მარკუზე_პ._უტოპიის_დასასრული\\\)\\]\\(http://arilimag.ge/აბრამიშვილი_საქართველო_თანამედროვე_კითხვარი-თანამედროვე_ქართული_პროზა\\)\]\(http://arilimag.ge/ტაველიძე_გაწირვა_და_თავგანწირვა;აბრამიშვილი_დ._საქართველო_თანამედროვე_ხელოვნების_რუკაზე\)](http://arilimag.ge/მანძი_თ_მაკულიტერატურა;ტაველიძე_ი._გაწირვა_და_თავგანწირვა:თანამედროვე_ქართული_თარგმანები)

¹⁹¹ მარქსი პ. ებრაული საკითხისათვის // demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2013. სექტემბერი 15. URL: [//demo.ge: თანამედროვე ფილოსოფია, ლიტერატურა, ესეისტიკა, სიურრეალისტური გლეში, ჰორორი, პორნოგრაფიული ზღაპრები, პოლიტიკური პროვოკაციები. 2013. ოქტომბერს 1. URL: <http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1064>](http://www.demo.ge/index.php?do=full&id=1059;მარქსი_პ._ჰეგელის_სამართლის_ფილოსოფიის_კრიტიკა)

¹⁹² გრამში ა. ინტელექტუალების ფორმირება / მთარგმნელი: გიორგი ხარიბეგაშვილი // european.ge ევროპული არქივანი საქართველოსთვის. 2016. მარტ 17. URL: <http://european.ge/antonio-gramchi-intelektualebis-formireba/>

¹⁹³ ხატიამილი თ. სიკვდილის რომანტიკული თავყანისმცემელი // არილი. 2017. 15 თებერვალს. URL: http://arilimag.ge/ხატიამილი_სიკვდილის_რომანტიკული_თავყანისმცემელი

историческим, политическим и культурным опытом Италии и пытаются найти следы итальянского влияния в грузинском культурном ландшафте, включая архитектурный облик Тбилиси¹⁹⁴.

Культурные и социальные предпочтения и отличия содействуют фрагментации интеллектуального сообщества: русский и немецкий (в ряде случаев – французский и итальянский) были основными иностранными языками для “старых” пост-советских грузинских интеллигентов. Новые интеллектуалы предпочитают использовать английский. Политические события ранних 1990-х содействовали политической радикализации грузинской интеллигенции потому что Звиад Гамсахурдиа сам использовал радикальные методы и его противники также полагали что радикальные формы политической борьбы были наиболее эффективными. Звиад Гамсахурдиа смог получить контроль над политической сферой, но его триумф был крайне коротким и непродолжительным. Несмотря на утверждения и уверения грузинского интеллектуала Дато Барбакадзе, что «поэзия и политика никогда не протянут друг другу руки»¹⁹⁵, поэт все-таки смог стать политическим лидером, но не смог удержать власть.

Грузинская интеллигенция в 1990-е стала заложником политической борьбы, ее идеологические колебания были малоинтересны политическим правящим элитам несмотря на то, что интеллектуалы формировали идентичность новой грузинской политической нации. Дато Барбакадзе полагает, что этот политический выбор актуализировал некоторые особенности грузинской интеллигенции, которая «всегда будет адаптироваться под существующую конъюнктуру, а в экстремальных ситуациях играть роль разрешенной и управляемой оппозиции»¹⁹⁶. Грузинские интеллектуалы несмотря на все противоречия эпохи политического транзита от авторитаризма к демократии смогли стать той культурной силой, которая получила контроль над символическими политическими ресурсами формирования гражданской и национальной идентичностей. 1990-е маргинализировали коммунистический и крайний националистический дискурс в политическом мышлении Грузии. Поэтому современные грузинские интеллектуалы вынуждены пребывать в либеральном дискурсе, ими же изобретенном и

¹⁹⁴ ბერძენიშვილი ლ. დანტე დღეს // არილი. 2017. თებერვალი 15. URL.:

¹⁹⁵ Барбакадзе Д. Поэзия и политика // Новая политика. 2009. № 4 (91), URL.:

¹⁹⁶ Барбакадзе Д. Между «ничто» и «нечто»: наблюдения грузинского писателя // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). URL.:

воображенном как универсальный и неизбежный политический и идеологический компромисс между коммунистическим застоем и крайностями этнического национализма.

Сведения об авторах

М.В. Курчанов д.и.н., доцент кафедры регионоведения
(*Кӓрчансен Макӓӓмӓ, Maksym W. Kyrchanoff*) и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный университет»
г. Воронеж, Россия

В. Шаламов бакалавр кафедры регионоведения и
экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный университет»
Россия, г. Воронеж

Е.А. Воробьева магистр кафедры регионоведения и
экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный университет»
Россия, г. Воронеж

А.О. Дедяев Магистр кафедры регионоведения и
экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный университет»
Россия, г. Воронеж